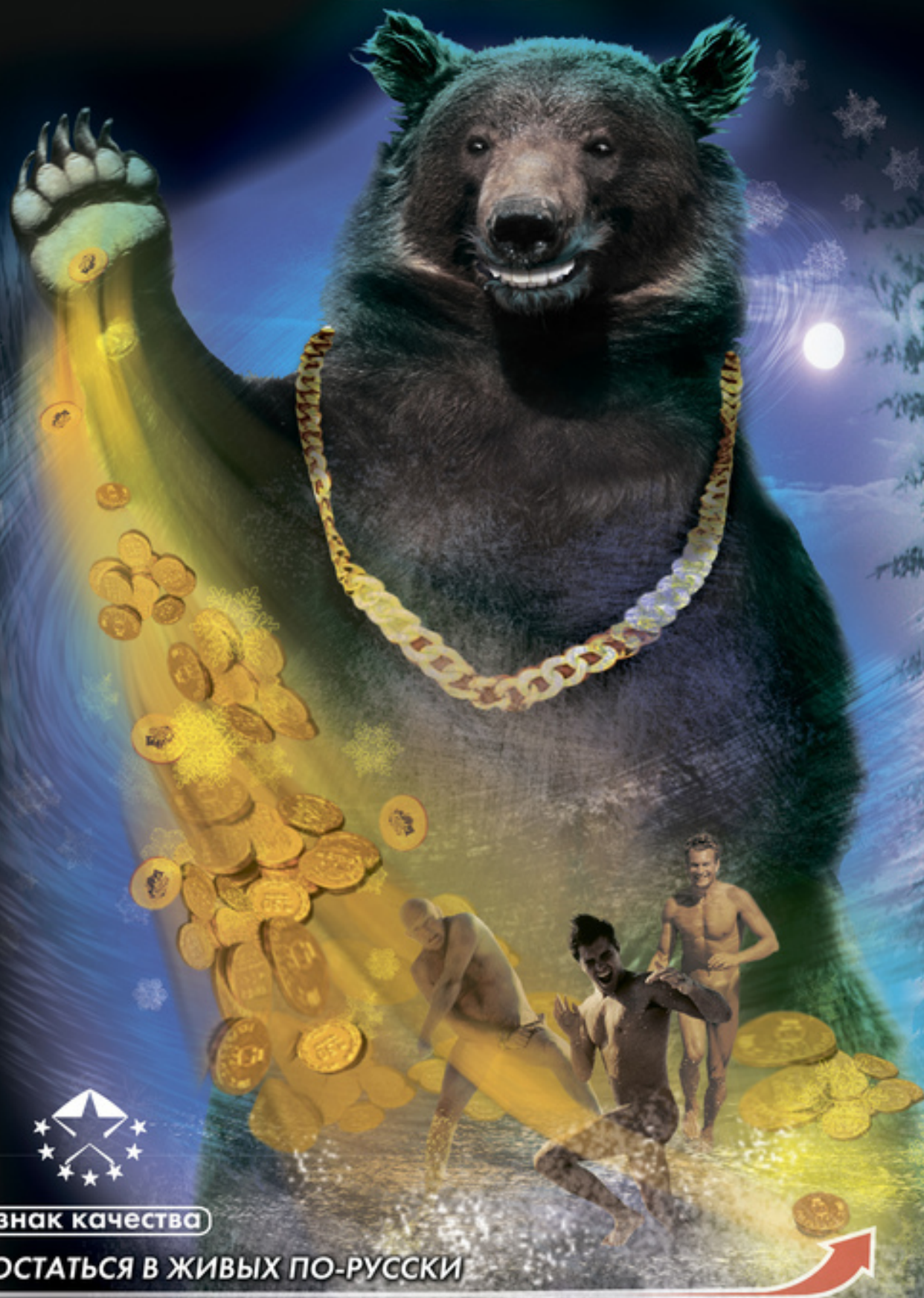

Андрей КИВИНОВ

ПУРГА

ЗНАК КАЧЕСТВА

ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ ПО-РУССКИ

Андрей Кивинов

Пурга

«Автор»

2011

Кивинов А. В.

Пурга / А. В. Кивинов — «Автор», 2011

ISBN 978-5-17-072902-9

Можно ли кардинально изменить судьбу, загадав желание в канун Нового года? Трое друзей загадывают... И попадают в весьма непростую ситуацию. Теперь на первый план у всех троих выходит одно желание – остаться в живых... Новая феерическая комедия положений от Андрея Кивинова.

ISBN 978-5-17-072902-9

© Кивинов А. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Начало	6
Глава первая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Кивинов

Пурга

© Андрей Кивинов, 2011

© Кирилл Гарин, иллюстрации, 2011

© ООО «Астрель-СПб», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Повесть напечатана в формате 4D.
Требуйте у продавца специальные очки.*

Автор объявляет благодарность отечественной эстраде за неоценимую помощь при создании данного произведения

«Жуткая информация, на днях всколыхнувшая Интернет, подтвердилась – в лесном массиве, расположенном буквально в километре от городских окраин, свирепствует медведь-людоед.

По мнению зоологов, появление кровожадного хищника в зимний период – явление не частое, но вполне реальное. Вероятно, к жилищу человека его привел банальный, но вполне естественный повод – голод. Случайному свидетелю удалось заснять на камеру мобильного телефона, как бурый медведь гигантских размеров гонится за мужчиной вдоль опушки леса. Следы крови и обрывки одежды, обнаруженные впоследствии на месте трагедии, доказывают, что зверь все-таки нагнал несчастного. Личность пострадавшего и его местонахождение установить пока не удалось – не исключено, медведь-шатун утащил растерзанное тело в глубь леса. Ролик вызвал бурную реакцию у городских жителей, МЧС срочно отрядило на поиски лесного чудовища целый отряд охотников. Но пока безрезультатно. Тем временем медведь был замечен возле мусорных баков в Пушкинском переулке. В городе нарастает паника, жители микрорайона опасаются покидать дома и отпускать в школу детей.

Мы настоятельно рекомендуем не выходить без нужды на улицу в темное время суток, не оставлять без присмотра детей и приобрести охотничье оружие в магазине „Русское сафари“ по адресу: улица Белинского, дом 8...»

Из материалов газеты «Житуха».

Начало

Все проблемы внутри человека, все остальное – стихийные бедствия.

Игорь Рыбинский

– Ты, Кефир Александрович, благополучный человек.

– Почему?

– Чем человек благополучнее, тем мельче неприятности, которые его расстраивают. Это не моя мысль, но Шопенгауэра.

– Ни черта себе мелочь... Шопенгауэру легко говорить – у него пистолет не пропал! Да еще накануне переаттестации!

Благополучный человек по-военному четким и резким движением опрокинул остатки кальвадоса в широченный рот и шархнул пустой рюмкой по столу так, что опытные бармены за стойкой на всякий случай выполнили команду «смирно». Закусывать не стал, хотя закуска имела и далеко не постная. Просто на той стадии застолья, когда речь заходит о Шопенгауэре, потребность в пище уже отпадает и организм остается один на один с алкогольным демоном.

Организм выпившего мужа отличался тренированностью и закалкой – третья поллитровка яблочного бренди ушла в историю, а никаких признаков упадничества под стол и потери разума. Издали муж напоминал постаревшего Стивена Сигала, продолжавшего суперменить на экране в образе неподкупного легавого, несмотря на брюшко и одутловатую харизму. Прозвище Кефир происходило от родовой фамилии Никифоров. Звали же мужа Евгений Александрович, и, согласно служебной характеристике, он тоже отличался неподкупностью и физической крепостью, что делало сходство с героями Сигала еще более разительным. Правда, лично он давно уже не крушил челюсти и не таранил лбом грудные клетки преступного элемента. Сии следственные действия теперь являлись прерогативой низшего состава. Никифоров же просто заседал в кабинете районного управления внутренних дел Великобельска и руководил охраной конституционных прав граждан по телефону, таская на погонах подполковничьи звезды, а на кителе – медаль «Десять лет безупречной службы». Сейчас он, разумеется, был без кителя и, как можно понять из контекста, без пистолета. Темно-фишашковый костюм-двойка турецкого покроя дополняли клетчатый джемпер с окатышами и бледно-розовая рубашка. Да еще однотонный галстук с подравзавшимся узлом.

– Аккуратно. Стол не сверни, – мягко предупредил второй собутыльник, помянувший всеу Шопенгауэра.

Ему тоже было чуть за сорок, клинообразная борода, круглые очки и ранняя седина придавали ему сходство со всесоюзным старостой Калининым. Да и имя совпадало. Михаил. А полностью – Михаил Геннадьевич Шурупов с ударением в фамилии на первом «у», что, впрочем, не помогало. Все по привычке ставили ударение на втором слоге. Прозвище Шуруп, заработанное еще в детские годы, больше подходило какому-нибудь уркагану, нежели интеллигентному человеку. Залатанный на локтях свитерок с оленьим орнаментом, часы с символикой московской Олимпиады, университетский значок, да не первой починки ботинки подсказывали наблюдательному взгляду, что материальный достаток не является для их владельца жизненным приоритетом. И действительно, разве мог хранитель, он же директор краеведческого музея – единственного в городе культурного очага – радеть о собственном кармане, когда экспозиция нуждалась в пополнении, а уже имеющаяся – в реставрации.

А экспозиция, к слову, радовала глаз. Один камень со скрижалями древних землепашцев чего стоил. Недаром бывший выпускник исторического факультета Ленинградского университета потратил на коллекцию лучшие годы и все выделенные бюджетные деньги, не взяв себе ни

копейки. Увы, Великобелский краеведческий музей – не Лувр и не Эрмитаж, лишнего рубля из городской казны не доклянчишься. Про прибыль от очага вообще лучше не говорить. Гробами бэушными выгоднее торговать, чем культурой. Пришлось два зала сдать в аренду предприимчивым горожанам, прорубив в музейной стене отдельный вход. Горожане поначалу решили обустроить в культурном заведении найт-клуб, но Михаил Геннадьевич встал в позу кота, загнанного собаками в угол. «Не допущу кощунства и глумления! В лучшем случае – книжный магазин. И не суйте мне своих денег!»

Предприниматели пытались пробить защиту – все-таки алкогольные коктейли, подпольный кокаин и женские прелести на шестах гораздо рентабельнее книжного окультуривания масс. Но в итоге нехотя согласились. Однако спустя месяц после открытия торговой точки книголюб имел удовольствие наткнуться на стоящую между Донцовой и Акуниным бутылочку коньячного напитка производства Кизлярского ликероводочного завода. И мало того – мог купить ее вместе с упомянутыми изданиями. Так сказать, для лучшей усвояемости читива. Михаил Геннадьевич про эти тонкости книготорговли не знал, ибо был человеком порядочным и в силу этого по-детски доверчивым. Главный жизненный принцип – не создавай проблем другим, увы, создавал проблемы для него самого. Безжалостный закон сохранения энергии. Если его нечаянно толкали в автобусе, он извинялся, а когда отнимали в темной подворотне мобильный, пытался объяснить грабителям особенности данной модели. Правда, едва дело касалось защиты музея, он превращался в зеленого монстра Халка из одноименного комикса. И, к примеру, узнав, что власти урезали расходы на содержание очага культуры, мог пристыдить любого чиновника, применяя слова с крестообразной буквой. В других же обстоятельствах никто и никогда не слышал от него бранных оборотов. «Матерый представитель великобелской интеллигенщины» – как когда-то сказал о Шурупове бывший ведущий местной аналитической программы «Час Белки» Родион Панфилов.

Родион, к слову, был третьим и последним участником застолья в небольшой арт-харчевне «Белка и Стрелка», приютившейся на западной окраине города, в двух верстах от лесопарковой зоны. Он сидел напротив Никифорова, нацепив на нос огромные солнцезащитные очки, совершенно неактуальные в текущий момент. На дворе конец декабря, вечернее время... Но ничего не поделать – издержки популярности. Несмотря на предпринятые предосторожности, официантка, облаченная в картонный космический скафандр, узнала телезвезду: едва он сел за стол, подскочила с мобильником и попросила сфоткаться на память. Родион милостиво позволил, известность не переформатировала его положительных душевных качеств.

– Моя дочка вас так любит, так любит! – застрекотала дамочка, пряча мобильник в скафандр. – Вы не могли бы для нее расписаться?

– С удовольствием... Передайте дочке, что я ее тоже люблю.

– Ей еще пять лет.

– Любви все возрасты прикольны, – пошутил Родион, ставя божественный автограф на салфетке.

– Ой, она будет просто счастлива!

– Как, порой, не много надо человеку для счастья... У меня просьба – не говорите никому, что я здесь. Мы хотим посидеть спокойно.

– Конечно, конечно! – Официантка приложила к большой материнской груди драгоценную салфетку с корявым росчерком, и, повизгивая от восторга, умчалась в директорский кабинет выкладывать фотку в социальных сетях.

– А она могла бы помочь мне пережить последствия семейного разрыва, – оценивающим взглядом проводил Родион служительницу кулинарных муз, – хотя бы временно.

Как человек публичный, он жестоко страдал от повышенного женского внимания. Хотя слово «страдал» здесь неуместно. Скорее, наоборот – жестоко получал удовольствие. Что не могло не сказаться на семейных узах. Третья по счету и младшая по возрасту жена, точнее,

сожительница, не выдержав популярности телезвезды, на прошлой неделе оставила его трехкомнатную жилую площадь, вернувшись в коммуналку к предыдущему супругу – неизвестному, но верному дальнобойщику. Слова, которыми она сопровождала означенное действие, редкость даже в колониях усиленного режима. Именно эта ее тирада больше всего огорчила Панфилова. Ведь все можно решить по-человечески, без угроз плеснуть серной кислотой ниже ватерлинии. И было бы из-за чего? Страдавшая от хронической ревности избранница проникла в форум поклонников популярнейшей детской программы «Волшебный посох», где муж звездил два последних года в качестве ведущего. И восприняла все слишком серьезно. Ну как можно серьезно относиться к фразам типа «Любимый Родя, я назвала нашего малышку Рюриком в честь дедушки». Да хоть Шариком назови! Кричать-то в сети об этом зачем?

Собственных официальных детей Родион пока не нажил, из-за чего порядком переживал. Все-таки пятый десяток разменял, а отцовский инстинкт так и не реализован. По молодости думал, что еще успеет, а потом закрутил веселый гламур, женщины, с которыми вальсировал по жизни, категорически не желали сидеть дома подле люльки, предпочитая зажигать на тусовках и курортах. Понимая, что звезда в любой момент может подцепить новую свободную от проблем спутницу, и есть риск оказаться за порогом с кричащим свертком на руках. А звезда, между прочим, как все, ходит по земле и просит у судьбы счастья. И ревет, и грустит иногда. Звезды – они такие же люди. Только светятся в темноте.

Последний брачный дефолт его, конечно, огорчил, но организм уже выработал некий иммунитет, поэтому бросаться с крыши, лезть в петлю или вливаться в ряды «несогласных» любимец телезрителей не торопился.

– Все мы, в общем, благополучные люди, – поддержал он Шурупова, – хотя бы потому, что опять сидим здесь целые, невредимые и без исполнительных листов в кармане.

– А не взять ли нам, други, в силу сказанного еще по двести? – как-то обреченно предложил Никифоров, словно озвучив последнее желание приговоренного.

– Не возражаю, – согласился Родион, кинув взгляд на вторую официантку, – как эмпирическим путем выявил Пастер – в бутылке вина заключено больше философии, чем во всех книгах мира.

– Мне хватит, – отказался директор музея, – завтра важная встреча, надо быть в форме.

– Какая у тебя встреча? – поморщился подполковник. – Червь музейный.

– Француз приезжает. Фонд содействия культурному наследию России.

– Французам есть дело до нашего культурного наследия? У них своего не хватает? – не отрывая глаз от официантки, уточнил ведущий «Волшебного посоха».

– Дело в том, что глава фонда – бывший русский, сорок лет назад уехавший в Париж. Но корни не отпускают. Создал фонд, агитирует местный зажиточный контингент на пожертвования, ездит по российским музеям и помогает наиболее нуждающимся. Завтра наша очередь на подавание.

– Фонды создаются не затем, чтобы помогать кому-то. Они нужны, чтобы помочь себе, – показал знание жизни Евгений (Кефир) Александрович, похлопав дланью по богатому подполковничьему животу, – видать, у мужика совсем плохи дела.

– Ну, я этого не знаю... Главное, предлагает... Хотя, боюсь, нам ничего не светит. Во-первых, ни одного по-настоящему ценного артефакта, а во-вторых...

– Ты не сможешь предложить откат, – продолжил подполковник, – увы, Шуруп Геннадьевич, ты никогда не был практичным человеком.

Призывным жестом он подозвал женщину-космонавта.

– Еще бутылочку кальвадоса... Хорошая, кстати, штука. Не знал.

– Может, освежить салаттики?

– Да они, вроде, еще не стухли.

– Хорошо. – Официантка умчалась на орбиту выполнять приказ центра управления полетами.

Директор музея виновато пожал плечами.

– Не в откате дело. Просто... Я же не Никита Михалков. Французу выгодно ту же Третьяковку отспонсировать – реклама на весь мир. А какая с нас реклама? Он сюда для галочки приезжает, вроде как – объективность соблюсти.

– Ну, я ж говорю – откат!.. Эх, Мишаня, мне б твои заботы...

Женщина-космонавт вернулась со скоростью падающей ракеты, неся на борту-подносе очередной сосуд в виде первого в мире спутника – шарика на ножках, только с горлышком.

Харчевня, как следовало из названия, в качестве антуража предлагала космическую тематику – когда-то в здании располагалась часть местной обсерватории. Но специальная комиссия признала помещение непригодным для наблюдения за звездами по санитарным нормам и передала в ведение рестораторам. Те не стали ломать старое, добавив нового. На стенах и потолке – виды открытого космоса, на полу, под пуленепробиваемым стеклом – лунная поверхность. Кратеры, песок, следы лунохода, хабарики. Земля в иллюминаторе, зеленая трава у дома, крошит метеоритами простор, космическая музыка, вступающая в деловой разговор... Летные кресла для гостей – словно вырваны из кабины пилотируемой станции, официантки в легких скафандрах, но с обязательным декольте, глубина которого не превышает установленные сертификатом нормы. Предупреждение на дверях туалета: «Осторожно, невесомость!» Портреты героических собачек, рискнувших шкурами на благо прогресса. Фото Хрущева, дарящего Жаклин Кеннеди щенка Белки. В соседнем зале – квадратный бассейн, куда со звездного потолка спускался шест. В разгар вечера по нему через дырку в потолке соскальзывали специально нанятые синхронные пловчихи и радовали своим искусством и формами гостей. Гостям, кстати, тоже не возбранялось нырнуть в воды за дополнительную плату, что многие и делали, дойдя до состояния невесомости. Как правило, не раздеваясь. Правда, сейчас, в канун новогодних праздников, вместо шеста из бассейна торчала наряженная искусственная елка. За дизайнерские изыски расплачивались те же гости – ценники за блюда космической кухни приближались к звездным высотам. Кто истинный хозяин заведения, не знали даже бармены и официантки, которые, согласно закону о барменно-официантской деятельности, должны знать все. Поговаривали, что это недавно перебравшийся в Великobelьск из Новоблудска храбрый авторитет Гена Бетон, мечтавший в детстве стать космонавтом. А, может, зам. главы администрации по вопросам науки. Да и какая в принципе разница? Главное, заведение приносило людям неземную радость.

Идея остановиться именно в харчевне принадлежала Родиону, получившему здесь тридцатипроцентный дисконт за то, что пару раз упомянул в прямом эфире адрес «Белки и Стрелки». Причем сделал это так искусно, что коммерческий отдел канала не заметил рекламного подвоха. Зато Родион получил в подарок кусочек пластика, оберегающий кошелек от укуса цен. К тому же в харчевне, даже сейчас, в пору новогодних корпоративов практически никогда не наблюдалось избытка гостей, можно посидеть спокойно, не думая о пьяных соседях.

Сегодняшнее мероприятие тоже с определенной натяжкой можно было назвать корпоративом, хотя все трудились в различных местах. Но у собутыльников имелся связующий момент – двор, в котором они когда-то родились и созрели. Обычный великobelьский двор на тенистой Абрикосовой улице, не являющийся памятником, охраняемым ЮНЕСКО, где первые семнадцать лет молодые люди были вынуждены терпеть присутствие друг друга. А когда пути-дорожки разошлись, то вдруг поняли, что этого присутствия им теперь и не хватает. Поняли не сразу, а лет через пятнадцать. Встретились, посидели, выпили, поплакались. Понравилось. Детские прозвища «Кефир» или «Шуруп» переросли в уважительные «Кефир Александрович» и «Шуруп Геннадьевич». Решили продолжить. У кого еще можно свободно порыдать на груди,

как не у друга детства, которому ничего не надо объяснять? Здесь не было ни званий, ни регалий, ни чинов, ни рейтингов. Двор уравнивал всех.

Время встреч выбрали осознанно – в конце года. Дабы подводить символическую черту. Вроде как отчитаться за плановый период – что сделано, сколько выпито, какие возникли проблемы и каковы возможные пути их решения. Нынешнее застолье в «Белке и Стрелке» было уже традиционным. В восемь вечера сели в космические кресла и отправились в полет.

Увы, человек гораздо охотней рассказывает о своих несчастьях, нежели делится радостью. Какой смысл делиться радостью? Только зависть вызывать да должников плодить. А тут посочувствовать могут, сигареткой угостить и коньячком. И денег точно никто не попросит.

Поэтому после традиционной «За встречу» и легких сплетен об общих знакомых друзья детства перешли к жалобам на жизнь-жестянку. Больше всего накопилось у Кефира Александровича. В основном, служебных. Что закономерно – чем выше кресло, тем оно неудобнее. Слишком многие хотят тебя с него несправедливо столкнуть. И приходится балансировать, словно девочке на шаре. Соответственно, иногда забываешь поздравить жену с днем рождения, а у сына проверить дневник и содержимое карманов. В итоге, папироску с травкой у наследника находишь не ты, а соответствующие службы, которые заглянули в кармашек не случайно, а потому, что на папу нужна управа... Конечно, папа ситуацию разрулит, наследнику по юной жопе настучит, но осадочек в виде пары газетных статей и обсуждений в сети останется.

Родион по количеству жалоб занимал вторую позицию. Его проблемы крутились, в основном, вокруг личной жизни. Женщины ведущему «Волшебного посоха» попадались какие-то ущербные, эгоистичные и не способные простить даже мелкую, чисто формальную измену. Хотя сами!.. Друзья предлагали посильную помощь – Кефир Александрович пообещал свести его с симпатичной незамужней дознавательницей из райуправления – девушкой, не бравшей взяток, то есть потенциально честной. А раз честна на службе, будет честна и в любви. Родион от предложения не отказался, но предупредил, что сначала должен человека узнать. Он вообще зарекся приглашать кого-либо в постель, не расспросив перед этим о жизненных идеалах и планах. Самое обидное, что женщин было много, но планы у всех примерно одинаково глобальные. И это настораживало.

Меньше всего очков в рейтинге неприятностей набрал Михаил Геннадьевич. Женат никогда не был, сожительствует с кошкой, завистников и кровных врагов не имеет, здоровье, тьфу-тьфу, не подводит. Ну, да, в музее прохудился потолок, и по весне экспозицию затопит, но разве ж это неприятность? К лету все высохнет. Какой-то сумасшедший плеснул кислотой в самую монументальную картину экспозиции «Купание в первом снегу». Пришлось отправлять полотно в Москву на реставрацию, в Великобельске восстанавливать шедевр никто не взялся. Сумасшедшего признали вменяемым и дали два года условно за хулиганство, а «Купание», тьфу-тьфу, вернули к жизни. В общем, без катаклизмов. Поэтому директор меньше всех и пил.

Евгений (Кефир) Александрович, несмотря на протесты Шурупова, наполнил все три космические рюмки, кашлянул в здоровенный кулак и провозгласил актуальный для себя тост: – Ну, чтоб без потерь.

Как уже говорилось, мужчиной он был крупным, статным и выпить мог много. В юности занимался боксом и навыков не растерял. В комнате отдыха висела груша, с помощью которой снимались стрессы. Иногда на грушу приклеивались фотографии недругов из числа руководства. А когда груша не спасала, приходилось прибегать к более надежному средству. Но без злоупотреблений. Особенно после случая в первой чеченской командировке, куда он отправился в составе сводного отряда. Собственно, сама командировка прошла без экстрима и даже стрельбы. Можно сказать, скучно и неинтересно. А какое развлечение в подобной ситуации? Конечно, местная бодрящая водка, покупаемая у дружественного населения. Пили много, закусывая в основном тушенкой. Организм, тьфу-тьфу, выдержал, сбоя не дал.

Когда вахта благополучно завершилась, Евгений Александрович обнял однополчан, вылил в себя последние двести фронтных граммов и сел в поезд, идущий домой, в родной Великобелск, названный так не в честь кобелей, как почему-то считали некоторые, а в честь аномально крупных белочек, водившихся здесь некогда в огромных количествах. В вагоне догнал с сослуживцем самопальным коньяком, закусил тушенкой и, помолвившись, лег спать на верхнюю полку. Ночью, когда состав притормозил на какой-то крупной станции, Никифоров проснулся, выглянул в окно и чуть не свалился. По перрону бежали зверушки. Слоны, жирафы, львы...

Вывод был один. Допился, бля, чеченской водки! Черная горячка! Дал, все-таки, организм собой!

Зажмурился, открыл глаза – та же фигня. Бегут, скачут звери по перрону, словно по саванне. Спрыгнул с полки, растолкал сослуживца, молча показал в окно. Тот чуть не подавился.

– Чего это, блин?!

Евгения Александровича немного отпустило. Вместе с ума не сходят. Натянули штаны, бросились из вагона. А к ним женщины незнакомые подбегают. «Купите, купите, нам детей кормить надо!» И суют им в лицо тех самых жирафов, львов, слоников. Плюшевых, здоровых, в человеческий рост.

– Мы на фабрике игрушечной трудимся, – продолжали объяснять дамы, – а зарплату игрушками дают. Здесь не продать, у всех уже есть. Купите Христа ради, дай вам Бог здоровья и счастья.

– Товарищи женщины, – мягко упрекнул успокоившийся Евгений Александрович, – вы же так честных, непьющих людей до инфаркта доведете! Предупреждать надо.

Слоника, однако, купил. Зеленого. Сыну подарил. Не водку ж ему вести паленую и не патроны из командировки.

– Так что ты там, Шурупик, насчет Шопенгауэра? – вспомнил он, подцепив вилкой вареную креветку.

– Шопенгауэр сказал, что ты, Евгений, счастливый человек.

– А откуда он знает? Я ему, вроде, не докладывал.

– Это диалектика... Не обязательно знать о каждом, улавливаешь? Достаточно понимать природу отношений в целом. Гении это умеют.

Наверное, последняя рюмка была пограничной, отделяющей предельно-допустимые нормы от критических, после которых произнесенные слова не являются осмысленными носителями информации. А просто напоминают, что собеседники не разучились говорить.

– Не усложняй нам жизнь. Она и так сложная, – Никифоров не любил малопонятных слов типа «диалектика».

– Да, да, Мишаня прав, – вновь поддержал музейщика Панфилов, – мы слишком зациклены на мелочах. Ну что такое пропавший пистолет на фоне того, что мы вообще появились на свет белый? Радоваться должны, что повезло, что дышим.

– Жизнь состоит из мелочей, – хмуро возразил подполковник, – и, как правило, из неприятных.

– Через год ты про этот пистолет и не вспомнишь, а сейчас сидишь, словно завтра на плаху! – неожиданно громко воскликнул директор музея. – Друзья, мы стали замечать только плохое! Но это же неправильно! Мы состоялись как личности, нас не сбита машина, не покалечила случайная пуля, не свалил сердечный приступ или рак!

Шурупов постучал указательным пальцем по космическому столу, официантка тут же подлетела.

– Это я не вам... Мы счастливые люди! Вы посмотрите... Прекрасный зимний вечер, скоро Новый год, мы сыты, пьяны, не замерзаем в каком-нибудь подвале, а сидим в фантастическом ресторане!

– Еще не хватало замерзнуть, – буркнул подполковник.

– Да, неприятности неизбежны, но это всего лишь неприятности. А не катастрофа!.. Пойдемте, пойдемте на улицу! Вдохнем полной грудью запах этих полей, посмотрим на небо! Умоемся первым снегом! Ну, ей-Богу, так же нельзя! Уныние – смертный грех!

Алкоголь, как известно, действует на всех по-разному. Кто-то поет и танцует, а кто-то дышит полной грудью и умывается снегом.

Михаил (Шуруп) Геннадьевич вскочил из-за стола и устремился к дверям космического корабля, забыв свой потертый полушубок из козлиного меха на вешалке.

– На воздух, на воздух!

Сидящие за столом переглянулись, пожали плечами, затем последовали за другом детства.

– Мы вернемся и доедим, – мимоходом предупредил Родион официантку, – не убирайте. Директор музея тарашился на небо возле обвешанной гирляндами елочки.

– Смотрите, смотрите, как прекрасен этот мир!

Вечер действительно радовал. Осень в этом году выдалась затяжная, слякотная, и только сегодня утром выпал снег. Но зато какой снег! Настоящий, новогодний! Чистый и мягкий, как дорогая туалетная бумага! Циклон, накрывший снегом половину Европы, добрался наконец и до здешних широт. Сугробы выросли буквально за пару часов. Белые хлопья не переставая сыпались с неба, искрясь в свете ресторанных огней. Такие снегопады в Великобельске редко случаются. Раз в двадцать лет. Даже дома словно нахохлились под белыми шапками.

Холодный, но не морозный воздух устремился в легкие, наполняя дыхание свежестью, будто из кислородной подушки. Ощущение, что после душного восточного зиндана ты окунулся в прохладу родного отечественного карцера. Михаил Геннадьевич стащил с себя свитер, снял очки, зачерпнул горсть снега и обтер им лицо и шею.

– Такой снегопад! Такой снегопад! Вспомните, когда наши места видели такой снегопад?! Давайте, мужики, давайте! Смотрите, как кружится снег! А как летает, летает! И поземка клубится! Сейчас все заметет!

– А завтра в сети появится телега, что начальник райуправления, директор музея и телеведущий в пьяном угаре валялись в сугробе, – предположил бдительный Панфилов.

– Ну и что?! Тебя это беспокоит?! – крикнул Шуруп. – Да хоть десять угаров! Мужики, перестаньте смотреть на жизнь через жалюзи! Кому какое дело?! Это касается только нас! Да я специально в сугроб упаду! Пускай все смотрят и завидуют!

Слова не разошлись с делом. Директор раскинул руки и грохнулся лицом в снег.

– Шуруп. Простынешь. Кончай дурить.

– Господи, да что вы такие зашоренные?! Расслабьтесь и получайте удовольствие!

Он вынырнул из сугроба, слепил снежок и метнул в Никифорова. Не попал, но положение дел изменил. Кефир Александрович махнул рукой и тоже зачерпнул горсть свежего снега. Осторожно макнул лицо, словно в родниковую воду. Хо-ро-шо...

– Это же чудо! Настоящее чудо! – продолжал восторгаться Шурупов. – Сидим как крысы канцелярские по своим кабинетам и студиям и ничего, кроме негатива, не видим! Радоваться разучились! А жизнь – вот она! Настоящая!

Он зачерпнул еще снежка и швырнул вверх. Родион, сняв темные очки, подошел к сугробу.

– Не очень холодный?

– Как в Анапе! Теплее не бывает!.. Хоть купайся! Кстати, мужики! А это идея! – Михаил Геннадьевич выпрямился и посмотрел на друзей игривым взглядом дембеля, попавшего на дамский пляж.

– Еще выпить? – попытался угадать подполковник.

– Это можно по ходу... Помните, я про картину говорил, которую сумасшедший кислотой облил? «Купание в первом снегу». Там три барышни барахтаются...

– Видел. Барышни голые, – уточнил любвеобильный ведущий «Волшебного посоха», – совсем. Ничего такие. Грудастые.

– Обнаженные... Картина, между прочим, конца девятнадцатого века. Художник, увы, не известен, но полотно подлинное.

– Конечно подлинное, раз неизвестен.

– Суть не в этом... Я покопался в истории и выяснил, что на Руси купание в первом снегу было традиционной забавой! Даже, можно сказать, обычаем. Особенно в сельской местности.

– Конечно, тогда ни ти-ви, ни Интернета, ни ночных клубов. Что еще людям делать?

– Существовало поверье: тот, кто искупается в первом снегу, может загадать желание, и оно сбудется!

– Подобные байки я слышу в любой туристической зоне, – скептически ухмыльнулся Родион, – обойдите священный дуб триста раз и ударьте по нему лбом. Потрите член каменного идола, омочите ноги в священном фонтане и попейте из него... И все, блин, сбудется! Вот и бьемся лбами. А кроме грибка и поноса никаких чудес.

– Тут совсем другое! Люди просто снимали усталость, стресс. Радость жизни вкушали! Это полезно даже с медицинской точки зрения. А чудеса – так, для рекламы... Но! Что мешает нам проверить?!

– Ты предлагаешь тоже искупаться? – спросил подполковник.

– Конечно! Это же дело трех минут! Загадаем по желанию, разденемся, окунемся и назад! А вдруг действительно сбудутся?

– Ну, тогда в сеть завтра вообще лучше не заходить.

– Родя, ну что ты со своей сетью?! Параноик какой-то! Кому мы нужны?! И потом, я ж не здесь предлагаю купаться. Вон, в парке можно. Там ни души сейчас.

– А чего, кстати? – неожиданно поддержал Кефир Александрович. – Я бы искупнулся. Никогда в снегу не купался.

– А в новом году сразу к урологу.

– Я ледяной водой каждый день обливаюсь и в прорубь ныряю, – похвастался директор музея, – и никаких урологов! За три минуты ничего с тобой не случится, звезда экрана.

– До парка два километра, не меньше.

– Тачку поймаем! Цивилизация!

– Я готов! – подтвердил подполковник. – Но сначала вкусим радости еще по сто. Для контраста!

– Не вопрос! А лучше взять с собой!

Михаил Геннадьевич вылез из сугроба, размахивая свитером, как флагом, и, притоптывая ногами, устремился обратно на космический корабль.

– Снег с бороды стряхни, купальщик, – крикнул вслед Родион.

Вообще-то ему уже тоже хотелось искупаться, но, как истинная звезда, он должен был хоть для вида поломаться. Имидж.

Такси решили не вызывать. Пока доедет, весь задор пропадет. Кальвадос из графина-«спутника» перелили в пластиковую бутылку, очень кстати оказавшуюся в портфеле директора музея, – он постоянно таскал с собой воду, чтобы запивать витамины для глаз – зрение сади-

лось. Без окуляров Шуруп Геннадьевич уже не различал предметов и лиц, находящихся дальше трех метров.

Машину поймали сразу же, возле «Белки и Стрелки», – харчевня располагалась на оживленной трассе. Водитель «девятки», с виду благополучный молодой человек лет двадцати пяти, практически не торговался. Всего за две сотни согласился отвезти до парка, подождать десять минут и вернуть пассажиров обратно.

Раздеваться начали прямо в прокуренном салоне, благо он был теплым.

– Молодой человек, – вежливо пояснил застрельщик мероприятия, стягивая рубашку, – мы не причиним вам никаких неудобств. Вещи свои оставим у вас. Буквально на три-четыре минуты. Хорошо?

– Не вопрос, – без тени удивления кивнул водитель, вероятно, наблюдавший и не такие причуды выпивших клиентов.

Через пять минут он притормозил у входа в парк, возле одинокого фонаря и вывески «ВЫПАС КРУПНОГО И СРЕДНЕГО РОГАТОГО СКОТА ЗАПРЕЩЕН!» Тут же, на фонаре, бликовала жестяная табличка, прикрученная проволокой. «Ветеринар. Избавлю от мучений. Недорого. Телефон:…» Вполне резонно. В парке многие выгуливают домашних любимцев, лучшего места для подобной рекламы и не найти.

– Как-то тут неудобно, – опять заканючила звезда экрана, – да и с трассы видно.

– Молодой человек, можно чуть подальше? Вон туда.

Водитель ответил традиционным «Не вопрос» и свернул на дорожку, ведущую вдоль парка и еще не окончательно засыпанную снегом.

– Между прочим, здесь маньяк орудует, – блеснул служебной эрудицией подполковник, – шесть эпизодов уже. Женщин насилует.

– Надеюсь, убивает? – не без надежды поинтересовался свежеразведенный Родион.

– Еще не хватало... Я б тогда сейчас с вами не бухал, а торчал в штабе по раскрытию. Без выходных, отгулов и перерывов на ланч.

– И как это происходит? Изнасилование? Открой тайну следствия законопослушным обывателям.

– Да обыкновенно. На той стороне парка дорожка есть. Напрямки от трассы к домам. Женщины и ходят. Со своими пакетами-авоськами. Руки заняты, идут не быстро. А он, гад, сзади подбирается, по темени стук, под мышки подхватывает и в кусты. Ну и дальше, как в учебных фильмах немецкого производства... Когда тетки в себя приходят, от него только ванильный запах. Его наши за это и прозвали «ванильный маньяк». В прессу не даем, паника начнется.

– Напрасно... Народ осторожней будет.

– Так он в другое место перейдет...

– Плохо работаете. Может, пригласить Декстера?

– Кого?

– Персонаж такой веселый из американского сериала. Тоже маньяк, но со знаком плюс. Членит таких, как сам, только плохих. Он и вашего в момент отыщет.

– Обойдемся... Есть у нас вообще-то зацепки, повезет – на днях приземлим. А то бригаду из Москвы хотят прислать. В помощь. Чувствую, печень не сдюжит.

Евгений Александрович, наморщившись, погладил правую половину живота.

Через сотню метров дорожка свернула на девяносто градусов. Водитель проехал еще около километра и остановился.

– Дальше нельзя – обратно не выберемся. Забуксуем.

– А нам дальше и не надо! – Михаил Геннадьевич открыл дверь и вылез из салона. – Гляньте, красотища какая!

Он по-царски обвел руками перспективу.

– Вы не знаете, отчего так шумят березы? Мне кажется, они так шумят только здесь, в России. И еще мне кажется, они все понимают. Нет, правда. Смотрят на нас и понимают! Как живые!

– Шурупу больше не наливать, – шепнул Панфилов.

– А шумят не березы, а пурга.

Действительно, снегопад усиливался, постепенно превращаясь в среднестатистическую пургу. Парковые ели в белых треугольных платях напоминали ку-клукс-клановцев, нестройными рядами идущих жечь негров. К слову, в чистом виде парком территория не являлась. Просто лесной массив, находившийся в черте города. В нем водились белки, зайцы и даже еноты. Осенью жители ближайших домов ходили сюда по грибы-ягоды, жарили шашлыки и купались в небольшом карьере экскаваторного происхождения. Конечно, власти Великобелска облагородили лес – прорубили несколько просек, установили мусорные контейнеры и даже один бесплатный туалет для инвалидов, не приносящий, впрочем, никакой практической пользы. В перспективе планировалось открыть здесь парк аттракционов и соорудить к неудобствию «зеленых» и белок пару теннисных кортов. Тренированный лыжник мог обежать массив по периметру за три часа, а уж пешеход затратил бы все шесть. Парк был велик и прекрасен. Словно из книги сказок Шарля Перро. Сейчас объявится великан-людоед и начнет петь караоке.

Кефир Александрович и Родион тоже выбрались из салона. Оставалось снять брюки, исподнее и ботинки.

– Ну что, готовы, православные? – тоном старшины спросил Шуруп Геннадьевич, растегивая брючный ремень.

– А свежо, однако. Возле кабака теплее было, – поежился подполковник.

– В городе всегда тепло и сыро. А за городом – зима! Зима! Зима!..

– Его уносит, – шепнул Родион, – в звенящую даль...

– Чего стоите? Ныряем!

Директор музея стянул брюки, оставшись в широких полосатых труханах.

– А ногам-то зябко. В ботинках лучше.

Он на всякий случай оглянулся по сторонам, скинул трусы и влез в ботинки, не надевая носков.

– Ура! Да здравствует качество жизни по разумной цене!.. Не забудьте загадать желание!

Высоко задирая тощие ноги, он поскакал к ближайшей полянке, напоминавшей застывший пруд. Разогнавшись, прыгнул двумя ногами вперед.

– Кла-а-а-а-сс!!! – и проорал пушкинское: – Отдайте мне метель, и вьюгу, и зимний долгий мрак ночей!

Друзья детства не стали дожидаться повторного приглашения. Лишь подполковник, как настоящий профессионал, предупредил водилу, что запомнил номер, поэтому скрываться с ценными вещами смысла не имеет. Будет немедленно обнаружен и препровожден. Через полминуты он мчался следом за Родионом по снежному бездорожью к месту купания. Тоже в одних ботинках, сжимая в руке бутылку с согревающим эликсиром. Не рассчитал скорость-дистанцию и налетел прямо на уже поднявшегося директора музея, сбив того с ног. Очки у жертвы столкновения прыгнули с носа и утонули в сугробе, метрах в трех от хозяина.

– Черт! Куда они упали?! Не вижу ничего!

Кефир Александрович бросился к месту предполагаемого приземления. Наверно, будь подполковник хоть на полпромилле трезвее, он бы без труда нашел очки. Но, увы, в жизни всегда не хватает пресловутого «чуть-чуть». В результате окуляры оказались окончательно погребенными, и отыскать их теперь не сумел бы и весь Скотланд-Ярд, окажись он сейчас в Великобелске. Оставалось дожидаться весны или ближайшей оттепели.

– Родион, помоги!

Родион помог не сильно. Немного поковырявшись в снегах звездными руками, ничего, кроме микрофона, не державшими, он предложил прекратить бесполезное занятие и выпить, пока холод не проник в самые потаенные участки организма.

Подполковник охотно поддержал, пообещав, что завтра пригонит взвод постовых и пару экспертов-криминалистов, и при свете дня очки непременно найдутся. А сегодня они с Родионом станут для друга Шурупа поводьями. Да и чего в лесу рассматривать?

Он открутил крышечку у бутылки, поднял руку на уровне лица.

– Загадываю желание!

Ровно треть яблочного бренди поменяла местоположение. Сосуд перешел в дрожание от холода руки незакаленного ведущего «Волшебного посоха».

– Присоединяюсь! С наступающим! За высокий рейтинг и дорогой баррель!

В два глотка Панфилов заглотнул свою дозу, заел чистым снежком и, словно Кинг-Конг, саданул кулаками по груди, на которой синела татуха – полногрудая русалка – след бездарно проведенных армейских будней.

– А на Руси народ умел зажигать! Никогда бы не подумал, что купание в снегу такой кайф!

– Много неизведанного есть в истории, – подтвердил ослепший Шурупов, протягивая руку за бутылочкой.

Выдохнув порцию пара, он припал к горлышку. Допив кальвадос, довольно крякнул, погладил бородку и вновь прыгнул в сугроб.

– Давайте, давайте, православные! Очистим души от скверны! Почувствуем себя свободными!

И понеслось!

Неслось две минуты. Потом стало холодать. Все-таки, зима. Эх, сейчас бы в баньку!

... Через секунду банька и случилась. Друзей детства окатило жаром. Контрастный душ...

Они одновременно услышали характерный звук отъезжающей машины...

Вряд ли сейчас в парке находилась другая машина...

Это была их машина...

Вернее, ее уже не было...

* * *

Денег категорически не хватало. Вообще-то их не хватает все время, но бывают моменты, когда включить печатный станок просто необходимо. Новый год, расходы, хлопоты.

Печатный станок давно заржавел и покрылся пылью. Пришлось пойти на непопулярные, но проверенные меры. Заложить в ломбард фамильные драгоценности. Выбор был невелик. Пара бабушкиных колечек, собственные сережки с маленькими брюликами или серебряный кулончик на цепочке. Остановилась на колечках и кулончике. На подарки хватит.

Знакомый приемщик, поздравив с наступающим, предложил три тысячи, что по текущему грабительскому курсу Центробанка было чуть больше сотни долларов.

– Так мало?

– Голубушка, это много. Учитывая, что вы постоянный клиент. Другим я бы не дал и двух.

– Хорошо, оформляйте...

«Нина Михайловна обещала завтра выписать премию, две тысячи... Должно хватить», – прикинула Надя.

Она трудилась в районной библиотеке, на абонементе. Место совсем не хлебное, на госбеспечении, но хорошо, хоть такое есть. В их Великобельске с работой катастрофа. По вечерам редактировала тексты по договору с небольшим издательством. Иногда помогала мама, в

основном продуктами с собственного огорода. В прошлом году мама окончательно перебралась на дачный участок и оставалась там даже зимой, изредка приезжая в город за пенсией. Жить в маленькой двушке вчетвером тесновато. Дети подрастают. Двое. Леночка и Вадик. Леночке пять, Вадику семь. Уже в школу пошел. Уроки надо делать, а письменный стол поставить некуда. А на даче спокойно, воздух, соседки-болтушки.

Им еще повезло. Несколько лет назад соседний квартал вообще под снос пошел, а людям взамен нормальных квартир дали развалюхи в области. А на месте старых домов торговый комплекс до сих пор возводят. Страшно представить, что было бы, попади их домик в зону стройки.

Один-то ребенок не шутка, а уж двоих попробуй поднять в одиночку! В период беспредельного разгула цен! Детские туфельки дороже взрослых. Надорвешься. Но Надя старалась ни в чем не отказывать детям. От бывшего мужа толку мало, героин забирал все. Хорошо, хоть больше не ворует. А то, пока замок не сменила, захаживал. Собиралась заявление в милицию написать, да пожалела.

Надя познакомилась с ним на практике в обычной школе, куда ее направили из библиотечного лицея. А Коля, будущий супруг, преподавал физкультуру. Педагогического образования у него не было, зато имелся разряд по бегу и дальняя родственница – завуч школы.

Красавец, спортсмен, детей любит. Грех не влюбиться. Влюбилась. Не отказала. Признание, клятвы, запретный плод. Свадьба, рождение Вадика, рождение Леночки. Счастье! А потом покатило счастье по наркотической дорожке. Скучна и безнадежна жизнь в Великobelьске, как на самой дальней станции. Кругом трава. По пояс. Кто посадил педагога на иглу, супруга доподлинно не знала – по слухам, какой-то десятиклассник, заправляющий в школе трафиком. Однажды педагог застучал, отобрал, попробовал... Потом отобрал еще. И еще. Поставил ученику условие: хочешь торговать в школе – гони дозу. Или получишь годовую двойку по физре и не перейдешь в одиннадцатый класс. Ученик согласился. Надя заподозрила неладное, когда Коля предложил убить соседей, которые якобы мешали спать. И потом зачем-то сбежал в овощной, купил апельсинов и что-то долго-долго рассказывал вслух... Но вида не подала.

Когда десятиклассника прихватили органы на продаже дозы, тот с чистым сердцем педагога сдал. На первый раз учителя простили, но из школы турнули. Ну и все, конец фильма. Змей Героинич требовал дань. Все лучшее из дома. Поначалу Надя пробовала давить на чувства. «Коленька, помнишь, как-то вечером мы стояли на крыше кочегарки и смотрели на небо... И в вышине плыли две звезды. А потом они вдруг погасли. Я тогда не придавала этому значения, но лишь теперь поняла, что это были мы с тобой... Пожалуйста, не колись...» Не помогло. Мир не прост. Совсем не прост. И грозы, и бури. Не скрыться...

Через три месяца Коля распустил руки, нанеся жене легкие телесные повреждения. И было бы за что?! Попросила, чтобы не ел сваренный с любовью борщ руками. Это было последней каплей. Искового заявления Надя не подала, но мужа выставила за дверь маминой квартиры. «Прощай. С нашего вокзала поезд уходит в дальние края...» «Я имею право видеть детей! – ломился обратно Коля. – Пусти, сука!!! Детям нужен отец!!! Это я тебе как педагог говорю!»

Подала на развод, но процесс затягивался: дележ отпрысков – не скорое дело.

...Больше она ни в кого не влюблялась, хотя один парень ей нравился. Приходил в их библиотеку. Причем, не за книгами. Милиционер из местного отдела. Оперуполномоченный. Старший лейтенант. Высокий, симпатичный, как Джонни Депп. Глядя на него, Надя вспоминала первые дни с Колей. И какая-то шальная радость всходила, словно заря. И даже походка становилась летящей. Оперуполномоченный выписывал должников, а спустя время приносил невозвращенную литературу и просил подписать бумагу, что библиотека к нерадивым читателям претензий не имеет. Как-то Надя поинтересовалась, чего ради он это делает? Старший лейтенант томно улыбнулся и ответил, что в детстве не сдал книгу в библиотеку и теперь хочет

искупить вину. Надежда не поверила, но больше не допытывалась. Помогает, и помогает. Они б сами ни одной книги не вернули. Нина Михайловна, кивая на оперуполномоченного, подмигивала – давай, не зевай. А после его ухода делилась житейским опытом – мол, лучшее средство от одиночества – это новая встреча. Правда, о том, что было, тоже надо помнить. Не забывать. И мечты сбудутся.

Муж Коля, как уже говорилось, периодически захаживал под предлогом общения с детьми, но каждый визит заканчивался исчезновением какой-нибудь вещицы, имевшей рыночную стоимость. Когда пропал старый пленочный фотоаппарат, подаренный подругами на свадьбу, Надя заявила, что все свидания теперь будут проходить на детской площадке. И на всякий случай поменяла дверной замок. Сначала Коля канючил – пусти, я больше не буду. Я не понимаю, что со мной происходит. Ни минуты покоя. Да что там минуты? Ни секунды! «Ширяться не надо, тогда и ломать не будет». Потом он принялся угрожать. Дескать, теперь за себя не ручается. Без женской ласки ему нельзя. «Ну и не ручайся, – просто ответила Надя, – мне теперь все равно. Сколько потеряно дней? Кто мне их вернет?»

Десять дней назад Леночка сильно простудилась в детском саду. Садик был единственным на микрорайон, и легче встретить на улице саблезубую белочку, чем без блата устроить туда ребенка. У Нади блат имелся – сокурсница по лицу, работающая нянечкой и разъезжающая на новеньком «пежо». Но от простуды блат не помогал. Температура тридцать девять, врач, лекарства, компрессы, деньги, больничный. На третий день немного отпустило. Леночка, словно маленькая снегурочка, лежала на диване и с завистью смотрела на детей, которым дядя Родя в программе «Волшебный посох» дарил спонсорские подарки. Ей очень нравилась эта передача. И дядя Родя. Такой смешной, такой добрый... Иногда он Леночке даже снился. Ее подружка Ирка была на передаче и теперь задается, прямо звезда. Вот бы туда попасть.

Кстати, когда-то ведущий «Волшебного посоха» заходил в Надину библиотеку. Взял книжку по организации праздников и сборник тостов. Якобы для диссертации. До сих пор не вернул, но Надя не сдавала его старшему лейтенанту. Панфилов – это ж звезда, мог просто забыть вернуть в звездной суеде. Зачем же человеку жизнь портить? К тому же, книги не представляли библиографической ценности.

Вообще-то, Панфилов ей тоже нравился. Как мужчина. Обаятельный, симпатичный. Чем-то напоминал доктора Джека из «Остаться в живых». Но Надежда поганой метлой гнала мысли о сближении с Родионом, например, через сайт программы. Он звезда, а она кто? Каждый сверчок знай свой шесток. Лучше и не дергаться, узнавая об изменениях в его семейном положении из газеты «Житуха».

– У тебя тоже будет подарок, – пообещала библиотекарь, заметив грустную зависть в глазах дочери.

– И Дедушка Мороз?

– А ты хочешь, чтобы к тебе пришел Дед Мороз?

– Очень хочу... Ты говорила, он приходит ко всем послушным детям. А я тебя слушаюсь.

– Конечно, малыш... Не волнуйся. Дедушка Мороз обязательно придет.

– Со Снегурочкой?

– Да, со Снегурочкой... Поправляйся.

– А где они живут? В лесу? Или в нашем парке?

– В лесу. У них там домик... Спокойной ночи, милая.

– А сказку?

– Ты уже большая девочка, а сказки рассказывают только маленьким.

– Ну, пожалуйста, мам. Про принцессу.

– Хорошо. – Надя подтянула одеяло к подбородку дочери и начала. – Однажды, прекрасную принцессу решила погубить злая волшебница Алкоголина. Но одной ей было не справиться. Тогда она призвала на помощь коварного тролля Никотиния. Они тайно пробрались во

дворец, спрятались и стали подмешивать в напитки принцессы отраву. Вся подлость заключалась в том, что бедной принцессе нравилось пить эту гадость. Но с каждым днем она чахла. Сначала похудела, затем ее прекрасное лицо стало бледным и морщинистым, пальчики пожелтели и тряслись, а по утрам сильно болела голова и дурно пахло изо рта. Бедняжка с трудом ходила, держась за стенку, чтобы не упасть. Но самое печальное, ее стали одолевать зеленые чертики и ужасные чудовища... И никто не знал, что делать, чем помочь...

– Мама, мне страшно...

– Но, слава Богу, мимо проезжал храбрый богатырь Трезвегор, никогда не пивший, не куривший и не нюхавший клей. Когда ему рассказали о беде, он сразу понял, что это проделки злобной Алкоголины. Он нашел ее во дворце и вызвал на смертельный бой.

– И победил?

– Конечно, хотя бой был трудный, ведь Алкоголина хорошо маскировалась, меняя обличье. Но пока они сражались, подлый Никотиний вызвал на подмогу своего повелителя – Змея Героиныча.

– А Трезвегор? Погиб?

– А об этом я расскажу завтра. Спать...

Надя еще раз поцеловала дочь и выключила торшер.

Она сама придумывала такие сказки. Пора готовить девочку к школе.

Однако, что же делать с Дедом Морозом? Пообещать легко... В «Бюро добрых услуг» ознакомили с прејскурантом вызова дедушек, больше подходящим для «Бюро злых услуг». Пять тысяч за визит, плюс отдельно подарок. Наживаются на несчастных, верящих в сказки детям. Но, представив глаза Леночки, к которой не придет обещанный дедушка, Надя тут же приняла положительное решение. Поговорила с соседкой Викой, у которой тоже росли пара маленьких отпрысков. Можно пригласить Дедушку на четверых. Просто когда он придет, Вика переместится в их квартиру. Количество детей в договоре не оговорено, главное, адрес один. Соседка нашла предложение разумным, все-таки две с половиной тысячи экономии и детям радость.

Но на подарки не хватало. А значит – прямая дорога в ломбард. Получив деньги, добегала до «Бюро». Увы, свободен только поздний вечер, Дедушка Мороз расписан буквально поминутно. Но ничего не поделать. Составили договор.

– Белгородская, два, квартира четыре? Все правильно? – уточнила приемщица заказов на дедушек.

– Да, – подтвердила Надя.

– Завтра, в двадцать три пятнадцать. Четверо детей. Лена, Вадик, Катя и Алеша.

– Совершенно верно.

– Код? Домофон?

– Домофон. Первый этаж.

– Распишитесь у галочки... Подарки оставьте в прихожей, пакеты подпишите. Детей подготовьте – стишок, песенка, танец... И отдельная просьба...

– Да?

– Не наливайте... Он склонен...

– Хорошо... А Снегурочка будет?

– Я и есть Снегурочка.

Приемщица в силу предпенсионного возраста на Снегурочку не тянула, но заработать хотела. Осуждать нельзя. У нее, наверное, тоже дети.

...Сегодня утром Надя сбегала в библиотеку, получила обещанную премию и после обеда отпросилась – надо успеть купить подарки, прибрать комнату и нарядить Леночку с Вадиком.

Она купила дочке обещанную куклу, поющую с сильным китайским акцентом, а Вадика – полицейскую машинку с сиреной, больше похожей на мышиный писк. Упаковала в блестящие обертки. Вообще-то Вадик просил компьютер, но это нереально. Да и рано еще. Когда дети были еще совсем маленькими, Надя пугала их перед сном Интернетом. «Кто туда попадет, обратно не выйдет. Там живут страшные вирусы, заражающие все живое...» Не помогло, Вадик тайком бегал в компьютерный клуб, где ему бесплатно разрешали поиграть в ужастики и стрелялки.

На оставшиеся деньги она набрала сладостей. Хотелось устроить детям настоящий праздник.

Ближе к вечеру, словно по заказу, пошел снег. Такой сильный, что через час выросли сугробы. Но это лучше, чем уличная грязь и слякоть.

– Леночка, смотри, какой снежок! Это Дедушка Мороз постарался. Специально к своему приходу. Потому что Дедушка Мороз не может без снега.

– А Вадька говорит, что никакого Деда Мороза нет.

– Он просто не знает. А сегодня убедится сам. Осталось немножко подождать.

– А можно я пока посмотрю «Волшебный посох»?

– Конечно, родная. Но сначала надо смерить температуру.

Надя включила телевизор и стряхнула градусник.

* * *

– Гоп-стоп на оба ваши дома!.. У меня ж там все! Мобила, бумажник, ксива, наконец! Понимаете?! Удо-сто-верение! Мало мне пистолета!

Да, Кефиру Александровичу в этом смысле не повезло больше остальных. Мент без ксивы все равно что караоке без певца.

– Какая ксива?! Кефир, о чем ты?! – вопил ведущий «Посоха», прикрывая собственный посох руками. – В воде с нулевой температурой человек погибает через пятнадцать-двадцать минут! У нас не вода, но зато и не ноль! А все минус десять! Да при такой влажности! Если не выберемся через полчаса, здесь будет висеть мемориальная доска! А ты о ксиве какой-то! Куда ты? Куда?!

– На трассу, куда ж еще?! Остановим кого-нибудь!

Мгновенно протрезвевший подполковник медвежьими шагами принялся выбирать с полянки к тому месту, где они бросили машину.

– Сволочь... Я убью его!.. Вот найду пистолет и убью! Я ж предупредил, что номер запомнил!

– А ты запомнил?

– Хрен там! Я ж для блезиру!

– Поэтому и укатил! – чуть не плача, подвел дедуктивную черту Родион.

– На трассу бесполезно! – проорал вслед друзьям виновник торжества. – На дворе ни людей, ни машин. Завируха! И кто нас в таком виде посадит?!

– И что ты предлагаешь?! Здесь подышать? Лучше уж на трассе, хоть найдут сразу! Бля, покупались в снежке!

– Надо через парк, к домам! Тут дорожка есть, минут за двадцать добежим! Я знаю!

Подполковник с ведущим притормозили.

– А там в любом подъезде обогреться можно.

– А точно за двадцать минут уложимся? – дыша ненавистью, уточнил Кефир Александрович.

– При хорошем раскладе можно и за пятнадцать... Только дорожку найти надо. Если б не очки и не пурга, я бы сразу нашел!

– Блин, очочуемся, пока отыщем! Где она?! Какие-нибудь ориентиры помнишь?

– Да какие в лесу ориентиры?! От того места, где машину бросили, левее на тридцать градусов!

– И как, интересно, мы эти тридцать градусов отмерять будем? Транспортира, видишь ли, не захватили.

– Ерунда, на глаз... Бежим... Только меня не бросайте... Без очков не вижу ни зги!

– Тут что в очках, что без. Пурга полная!

Выбор был невелик. Либо искать дорожку, либо возвращаться на трассу и пытаться остановить машину. А морозец уже начал свой обратный отсчет. Хорошо, хоть на ногах остались ботинки.

Подполковник протянул руку временно ослепшему другу.

– Держи!

Ведущий пристроился сзади. Веселый паровозик.

Вышли на исходную. Следы от машины уже занесло. Снежная королева зажигала от души.

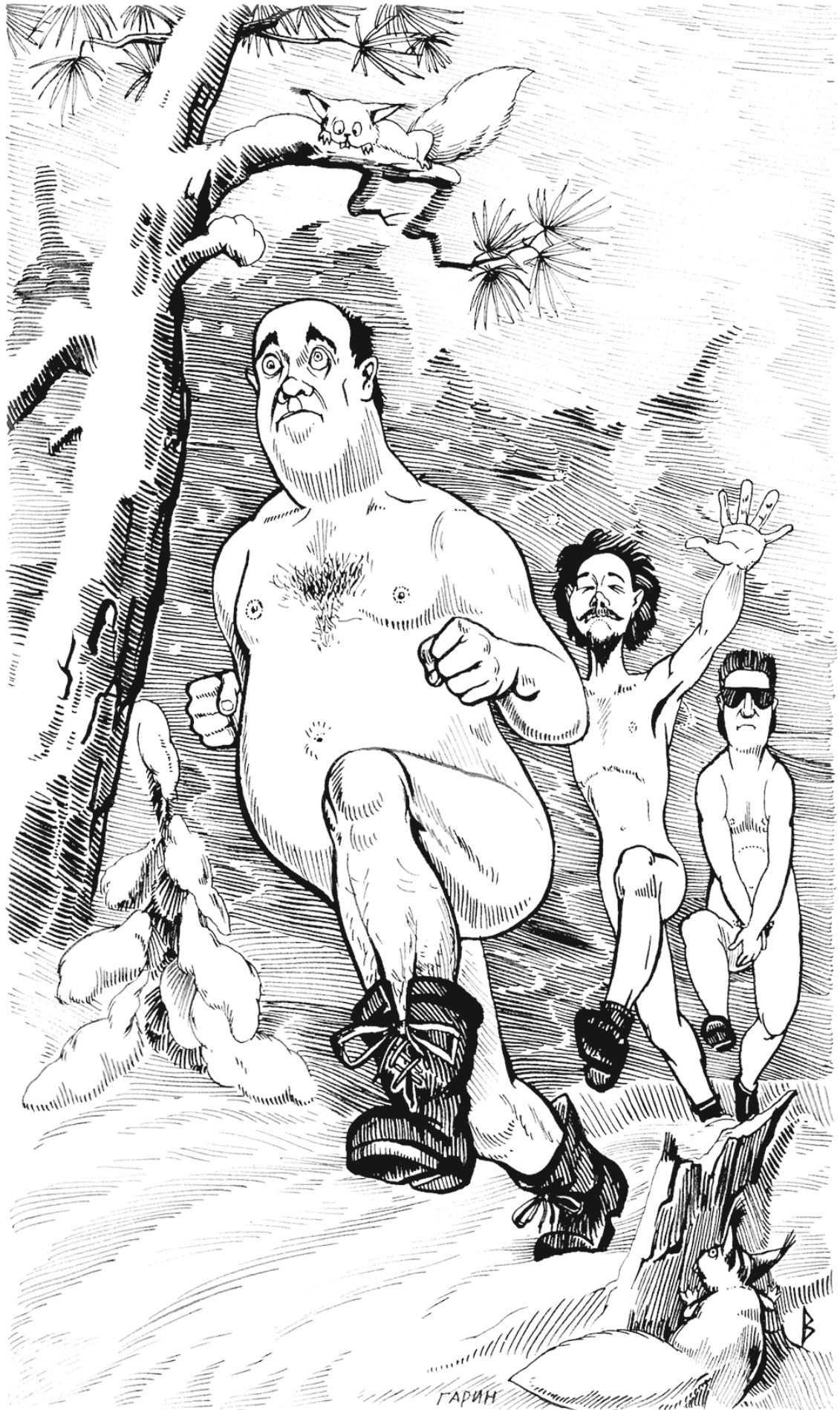
– У меня в мобильнике все телефоны, – продолжал хныкать Панфилов, – я ж пропаду без него.

– В гробу мобильник не нужен! Дорогу ищи! – Подполковник приложил руку ко лбу, защищая глаза от снега.

Дорогу, разумеется, подзамело. Но контуры пока остались.

– Есть! Вон она! Бежим!

Друзья, выстроившись гуськом, помчались через парк. Возглавлял колонну, конечно, подполковник как старший по званию и самый крупный по комплекции. «Ледокол Александрович Ленин», сказал бы про него бегущий последним ведущий «Посоха», находишься он в более позитивной ситуации. В центре группы, словно зомби, выставив вперед трясущиеся руки, припрыгивал директор краеведческого музея. Широкая спина друга служила надежным ориентиром.

– Мне даже не столько за ксиву обидно! – перекрикивал пургу начальник райотдела. – Я новую выпишу! С трусами головняк будет! И с костюмом! Это ж Ларискин подарок на сорок лет! Хрен поверит! Она ж ревнивая, как Отелло! Ну, вы знаете!

– Мы подтвердим! На Библии!

– Ага! Как же! Для нее Библия не авторитет.

Жена у Евгения Александровича отличалась не только ревностью, но и дотошностью офицера гестапо. На слово мужу не верила. Однажды даже заявила в засаду, которую начальник райотдела возглавлял лично в связи с особой опасностью преступника. О засаде знал узкий круг сотрудников во избежание утечки информации. Но Лариса Михайловна вычислила преступный адрес самостоятельно, посидев полчаса в сети. И нагрянула с проверкой, чуть не поплатившись здоровьем. Лишь в последний момент кулак Евгения Александровича затормозил в двух сантиметрах от напудренного носа суженой. Убедившись, что муж не врет, а действительно сидит в засаде, она посоветовала не ждать врага напрасно, ибо, по данным интернетовского поисковика, тот неделю назад уехал на гастроли в Сочи. Бомбить гостиничные номера отдыхающих.

И вряд ли Ларису Михайловну устроит версия с купанием. Нормальные люди купаются в снегу в трусах. Вернее, совсем не купаются.

– А ты сам хорош! – проорал замыкавший Панфилов. – Мент называется! Оставить у левого частника кошельки и мобильники!

– Нечего на милицию валить! Я хоть водилу предупредил, а вы и этого не сообразили!

– Друзья, успокойтесь! Это я виноват. Но мы должны держаться! И не надо печалиться. У нас впереди вся жизнь! Главное – надеяться и ждать!

Бег чуть согрел, но не настолько, чтобы прилечь и позагорать. Растаявший на коже снег в случае остановки тут же мог превратиться в ледяную корку. Через пять минут мучительного спринта обнаженные мужчины оказались на парковой развилке, чем-то смутно напоминая трех граций.

– Сейчас налево! – подсказал директор музея.

– Какое лево?! – возразил, испуская клубы пара, подполковник. – Направо! Как раз к Белгородской и выйдем!

– Белгородская налево!

– Ерунду не мели, да? Я что, своей территории не знаю? Налево – к свалке выйдем, а направо – как раз к Белгородской.

– Мужики, тут еще прямо дорожка есть, – указал пальцем ведущий «Посоха» на развилку.

– Не может здесь быть никакой третьей дорожки, – тоном опытного гида заявил Шурупов.

– Откуда ты знаешь? Или навигатор в башке?

– Знаю и все! Мы не туда прибежали! Надо вернуться назад и найти правильную дорогу!

Все обернулись. Их следы почти буквально на глазах исчезали, словно стираемые ластиком художника.

Заметало следы, заметало...

– Ну, на фиг! Сам возвращайся, – выдохнул Кефир Александрович, – а я налево.

– Нет, Кефир! Не смей! Видишь, вон, поворот?! За березой? Откуда мы знаем, что там?! Может, пропасть! Или, наоборот, горка, на которую не залезешь! И не разберешь!

– Я не вижу причин пугаться! Я – мужчина! И кое в чем силен!.. В последний раз спрашиваю. Вы со мной?

– Кефир, это тупик! Надо вернуться!

– Короче! Оставайтесь здесь! Я дойду один! И сразу вышлю помощь. Двадцать минут продержитесь?

– У меня, вообще-то, простатит, – признался телезвезда, – хронический. Застужу, станет острым. Я-то переживу, а женщины...

– Херня! Это лечится. Массаж – и вернешься в строй! Ждите.

Подполковник вскинул голову и осмотрел белеющие на черном фоне верхушки деревьев, затем тоном армейского прапорщика приказал:

– Вот, стойте возле той сосны! И ни шагу в сторону! Я быстро! Вернусь по следам!

– Заметет!

– За двадцать минут не заметет!

Трясущимися от холода пальцами он завязал развязавшийся шнурок и, прикрывая глаза ладонью, побежал в глубину парка. Через десять секунд он полностью исчез из вида.

Пурга усиливалась...

Панфилов смахнул снег с русалки. Русалка совсем посинела, грудь ее уменьшилась на пару номеров.

– Девочка моя... Держись... Скоро согреемся...

– Не согреемся, – прошептал Михаил Геннадьевич, прислонившись к березовому стволу. – Кефир не туда побежал...

– Да откуда ты знаешь?

– Умею ориентироваться по звездам... Город в другой стороне... Слушай... От меня толку мало... А ты дойдешь... Беги направо. Примерно через триста метров будет еще одна развилка со сломанной березой, там повернешь налево. Не перепутай.

– Вместе бежим.

– Нет, я буду ждать Кефира, вдруг он вернется. Не бойся, я обливаюсь холодной водой, час смогу продержаться. Это ж не мороз, так – морозец. У нас в музее, когда отопление вырубят, и то холоднее.

– Уверен?

– Я вас втравил, мне и расхлебывать, – Шурупов подул на пальцы, сложив их лодочкой.

– Блин, двадцать первый век, а в парке нет ни одного магазина, торгующего навигаторами. Позор, – Родион старался показать силу духа, – кому рассказать.

– Кончай острить. Беги. Каждая минута на счету.

– Ладно, не скучай тут без нас. И женщин не води. По парку гуляют дети. Увидят еще.

Он хлопнул музейщика звездной ладонью по сутулой спине и устремился на поиски сломанной березы. Но, пройдя метра три, остановился и обернулся.

– Чего ты так на меня смотришь?! – прищурился Шурупов. – Искося?

– Слушай, Шуруп... Тогда, два года назад у меня не было выхода...

– Ты уже говорил.

– Но ты вряд ли поверил... А сейчас мне таить нечего. Денег я не брал, клянусь... Короче, не считай меня козлом... Так, на всякий случай.

– Я и не считаю... Беги, холодает... Никуда не сворачивай с дорожки.

Родион как-то неуверенно кивнул и, махнув рукой, побежал, высоко, по-страусиному, задирая ноги.

... Тот, кто заснял бы сейчас его на мобильный и выложил ролик в сеть, получил бы завидный рейтинг. Популярный ведущий в гололопом виде, оскорбляющем человеческое достоинство, несется по зимнему парку. Да еще вопит как матрос, которому снарядом оторвало руку.

Ведущий и рад был бы оказаться героем эпатажного ролика, но, увы – в столь странный час в парке папарацци не промышляли. Какой идиотизм! Представить страшно, что напишут желтые газеты. «Смерть под березой! В парке найден обнаженный окоченевший труп популярного ведущего». «Новая жертва великобельского маньяка!» «Убийство или самоубийство?!» «В крови обнаружена смертельная доза кокаина». «Мама: „Я не верю в несчастный случай. Это месть“».

Блин, да какая месть? Говорят, есть книга – «Самая глупая смерть». Он реально претендует на место в первой десятке. Замерзнуть в парке в нескольких километрах от города... Глупее не придумать.

Нет, не дождетесь... Панфилов прибавил газу. Но бег уже не согревал. Теплу негде задерживаться. Разве что в ботинках.

Чертов снег забивал глаза, правая рука стала походить на «дворник» лобового стекла. Но самое страшное, что спасительная дорожка окончательно исчезла из вида. Ориентироваться по звездам Родион не умел, да и звезд на почерневшем небе уже не было видно. Он вяло, для галочки, проорал печальное «Эй», но на зов, разумеется, никто не откликнулся, даже белочки.

Русалка на груди превратилась в синюю скрюченную воблу, но Родиона это уже не волновало. Волновало отсутствие перспективы. Сильно волновало. После пятиминутного спринта он остановился и попытался отыскать в мутной снежной пелене верное направление. С таким же успехом можно собирать грибы в зимнем лесу с помощью миноискателя.

Здравый смысл и логика предсказуемо уступили место инстинкту сохранения и панике. Заметив спасительный просвет между березами, Родион бросился в него без колебаний.

И секундой позже почувствовал, что земная твердь под ботинками напрочь отсутствует. И он, согласно законам физики, летит вниз, а не вверх, как бы этого ему ни хотелось...

Глава первая

Не очень далекое прошлое

- Осторожней, Родион... Не ушибся?
- Ничего...
- Может, приложить лед?
- Нет, нет, все в порядке.
- Что ж... Тогда прошу.

Родион, почесывая голову, прошел к небольшому антикварному столику, сервированному сырными бутербродами и жареными семечками подсолнуха, и присел в легкое плетеное кресло. Еще раз огляделся. Интерьер впечатлял. Одна картина чего стоит. «Купание в первом снегу». Без сомнения, подлинник. Конец девятнадцатого века. Да и остальное не подделка. Плохо, дверной проем низковат, с непривычки можно башку разбить.

Сам хозяин яхты, сидевший напротив в таком же плетеном кресле, интерьеру соответствовал не очень. Застиранный футболка, тренировочные штаны со следами то ли кетчупа, то ли крови, «вьетнамки» на босу ногу. В подобном виде сейчас даже в наркопритон не пустят. Пушистый ковер под его ногами был усыпан шелухой в радиусе полуметра.

– К сожалению, яхта строилась китайцами. И не по моему проекту, – словно угадав мысль ведущего, посетовал сидящий напротив человек, – я же купил ее готовую. Кое-что, конечно, переделал, но высоту дверей не изменить – нарушится жесткость корпуса.

Угадывать чужие мысли – очень ценная способность. Обладая таким даром, покупать яхты становится гораздо проще. Судя по всему, человек чудесным даром обладал.

Его звали Кириллом Анатольевичем. Но чаще Хомутом. От фамилии Хомутович, если это, конечно, была настоящая фамилия. Он же любил, когда его величали просто Отче. Что-то было в этом прозвище волнительное. На его визитках с легкой позолотой и платиновыми вкраплениями стояло всего одно слово – «Директор». Он не переносил всяких там «президентов» и «управляющих». Директором какого именно предприятия был Кирилл Анатольевич, визитка не сообщала. Что, впрочем, и не нужно. Все знали и так. Он являлся директором всех предприятий.

Биография его не имеет к повествованию никакого отношения, поэтому нет смысла на ней притормаживать. Достаточно заметить, что путь от техника лесного хозяйства до директора он прошел без особых претензий со стороны правоохранительных органов, если не считать двух месяцев следствия за якобы изнасилованную малолетку. Но это было явным недоразумением, подтвержденным справкой от ведущих светил великобельской медицины о том, что Кирилл Анатольевич надругаться над женщиной не может в принципе. Только над мужчиной. Гей от рождения. Конечно, тайну следствия нерадивые прокурорские работники не соблюли, копия справки попала в СМИ, но нетрадиционного сексуала это не огорчило. Ибо после небольшой психотерапии он от приставки «гомо» избавился, стал полноправным мужчиной, женился, родил двоих дочерей и чувствовал себя вполне благополучно. (Есть проблема? Есть решение!) И в смысле здоровья, и в смысле финансового положения. Не последнюю роль в упомянутом положении играли великобельские углеводороды, контроль над которыми Кирилл Анатольевич получил в трудную, но веселую для страны годину младореформаторства. Как ему это удалось, теперь уже никого не интересовало. Потому что удалось. Конечно, великобельские углеводороды по масштабам не «Лукойл» и не «Юкос», но с голоду умереть не дали бы. Впоследствии к углеводородам добавились лесные запасы, коими великобельское княжество изобиловало еще со времен Киевской Руси. К запасам грамотно присовокупились пара банкирских домов, два десятка депутатских кресел в городском собрании, ну и, как принято у уважающих себя директоров, местный телевизионный канал, вещающий в дециметровом диа-

пазоне. Плюс тройка газетно-журнальных издательств. Яхта, на которую директор пригласил ведущего «Часа Белки», во времена высоких понтов не была чем-то из ряда вон. Ну, яхта, ну подумаешь. У Абрамовича их, как вшей у бомжа. Но! Понт заключался не в яхте. А в том, что в Великобелске не имелось крупных водоемов. Речка Великобелка не в счет. Там и на надувном матрасе можно на мель сесть. Город снабжался водой исключительно из подземных источников. Но Кирилл Анатольевич привык ставить высокие цели и добиваться их исполнения любой ценой, даже бюджетно-федеральной. Опытные экономисты выдали обоснование, что Великобелску просто необходимо собственное водохранилище и канал, соединяющий его с морем. В том числе и для того, чтобы сохранить поголовье реликтовых красноухих белок, занесенных во всем известную книгу. Ибо белки не могут самостоятельно добраться до подземных источников – это вам не кроты. И вынуждены погибать от жажды. С обоснованием Кирилл Анатольевич съездил в столицу, потусовался в правительстве и за счет личного обаяния получил гарантии, что поправки в госбюджет будут внесены. И город получит наконец выход к морю.

И ведь не обманули! Видимо, так велико было обаяние. Спустя пару месяцев, едва в Госдуме утвердили поправки, карьерные экскаваторы приступили к делу! Надо ли говорить, что принадлежали они тоже Кириллу Анатольевичу, проводшему, как полагается, строгий тендер. Правда, все предприятия, принимавшие в нем участие, тоже контролировались Хомутовичем, но кто об этом вспомнит, когда город получит собственный водоем, где летом можно купаться? Конечно, он мог поставить яхту в любом мировом порту, но, как патриот, предпочел родной Великобелск.

Поэтому пока яхта стояла на бывшем футбольном стадионе на специальной платформе с колесами. Когда директору хотелось поиграть в морского волка, несколько мощных джипов, запряженные цугом, таскали ее по городским улицам и площадям, а мощные поршни, установленные вдоль бортов, создавали эффект качки... Кое-где улицы пришлось расширить... Но ничего, через год пригнанные на строительство гастарбайтеры закончат облицовку канала кафелем, и можно отправляться по морям-океанам.

Забота о родном городе этим не ограничилась. На месте выкупленного и снесенного стекольного завода Кирилл Анатольевич возвел Зимний Дворец. В смысле, его чуть уменьшенную копию. Один к одному, как в Питере. Даже статуи на крыше навтыкал и Александровскую колонну во дворе поставил. Сначала планировал возвести копию верхнего дворцового парка Петергофа, но идея оказалась не свежей, кто-то уже строил его под Москвой.¹ По слухам и публикациям в газете «Житуха», внутренняя отделка и убранство псевдо Зимнего соответствовало оригиналу. Только мировые шедевры заменяли очень приличные копии. Но это всего лишь слухи. Дворец охранялся великобелским спецназом, и никто, кроме хозяина, туда попасть не мог. На вопросы журналистов «А на хрена, собственно?» Хомутович без тени иронии отвечал, что после его смерти все останется простым горожанам. И даже демонстрировал копию завещания.

Родион не решился отказаться от приглашения, хотя ничего хорошего от встречи не ожидал. Но «Час Белки» размещалась именно в сетке упомянутого хомутовского канала. Стало быть, надо забыть о личных антипатиях и воспринимать общение как чисто производственную необходимость.

– Угощайся, – Кирилл Анатольевич кивнул на семечки, насыпанные горкой на позолоченном блюде, – сам жарил. У бабки знакомой покупаю. В магазинах не то.

– Нет, спасибо, я только пообедал.

– Ну, хоть бутербродик съешь. Сыр вкусный, плавленый... Не откажись уж...

Панфилов прикинул, что пригласили его не для того чтобы травить, и взял бутерброд, напоминавший раздавленную слониху лягушку. Такой же плоский и такой же зеленоватый. Осторожно надкусил и тут же положил обратно на поднос.

– Чай? Кофе?

– Чай.

Кирилл Анатольевич дернул за веревку, свисающую с потолка, где-то за стеной звякнула рында, и секунду спустя в каюте появился молодой стюард, облаченный в белый форменный китель и белую бабочку.

– Сережа, сделай Родиону чая.

Сережа кивнул, подошел к резному трюмо самое позднее восемнадцатого века и извлек картонную коробочку чая «Принцесса Нури». Выудил один пакетик, метнул в хрустальный стакан, залил кипятком из серебряного самовара, дал настояться, выкинул за борт пакетик и поставил напиток перед Родионом. Но не уходил. Таращился на ведущего, словно продавец гербалайфа на потенциального клиента.

– Сережа, Родион наш гость, – мягко напомнил директор, – я предупреждал, что брать чаевые с гостя неприлично... Ступай к Виктору Афанасьевичу и доложи о проступке.

Стюард побледнел, ослабил бабочку, часто задышал.

– Кирилл Анатольевич, да как же... Извините, Кирилл Анатольевич... Это ж по ресторанной привычке проклятушей... Я ж не со зла... Отче, зачем же сразу к Виктору Афанасьевичу?

– Ступай, Сережа, ступай, – еще более мягко повторил хозяин яхты, – с вредными привычками надо бороться. Он поможет.

Стюард обмяк и совсем не летящей походкой убрался из директорской каюты.

– Не обращай внимания, Родион. Эти халдейские повадки надо выжигать каленым железом... А Афанасьевич мастер, умеет...

В том, что Афанасьевич мастер, ведущий имел удовольствие убедиться, едва ступив на палубу. Фотография его физиономии могла украсить любой стенд «Разыскиваются». Панфилова он обыскал быстро, грамотно и умело. Нашел даже женскую шпильку, провалившуюся за порванную подкладку пиджака.

– Как рейтинги?

– По последней программе – тринадцать, доля тридцать пять. Это по региону, конечно.

Ответив, Родион отхлебнул «Принцессы». «Принцесса» отдавала дустом. Видимо, прежний хозяин продал Хомутовичу яхту вместе с клопами.

– Неплохо, неплохо... Но, согласись, это не предел. Собственно, я по этому поводу тебя и пригласил.

Олигарх протянул руку к подносу и зачерпнул горсть семечек.

– Детская страсть... Ничего не могу с собой поделаться... Помню, как мама их жарила... С солью. Я так и не научился. По мешку за вечер мог умять. Это сейчас – жевачки всякие, да «Чупа-Чупсы», а тогда одна радость – семечки. Бери, не стесняйся.

– Спасибо, я не очень их люблю.

– Ну, хозяин – барин. Так вот, о рейтингах... Хочу тебе помочь, – Кирилл Анатольевич пронзил ведущего взглядом, отчего глоток «Принцессы Нури» застрял в последней трети пищевода последнего, – подсобить с материалом. С темой, так сказать.

Опытный Родион сразу понял, о чем речь. Видимо, на этот раз заказ будет серьезным. Обычно редактору звонили из окружения хозяина, а сегодня он пригласил ведущего лично.

– Слушаю вас, Кирилл Анатольевич.

Хозяин яхты и телеканала сплюнул на ковер шелуху и вытащил из кармана треников флешку в виде большого автоматного патрона с гравировкой «7,62 Гбайт». Вставил в гнездо ноутбука, лежащего на сервировочном столике, повернул экраном к Родиону.

– Посмотри, по-моему, любопытно.

На экране появился осколок великобельского пейзажа – рядок частных домиков, огороженных непрезентабельными заборами. Это, кажется, южная окраина, рядом с Белгородской

улицей. Домики строились сразу после войны как временное пристанище для трудившихся на лесоповале – градообразующем предприятии. Но из временного превратившиеся в постоянные. Жили здесь, в основном, наследники тех самых лесорубов, по большей части пораженные алкоголизмом и тяжелейшим кариесом. Перед ближайшим к объективу забором собралась кучка политически активных пенсионерок и пенсионеров, вразнобой требующих защитить их от произвола строительной компании. Когда камера повернулась, в фокус попал предполагаемый защитник – не кто иной, как благополучно действующий губернатор Великобельска. Он был в джинсах, и рубашке с короткими рукавами, и своей любимой бейсболке, то есть в демократическом, неофициальном гардеробе. И хотя запись не отличалась качеством, вряд ли на экране размахивал руками человек, похожий на губернатора. Это был сам губернатор. И без экспертизы понятно.

Градоначальник, активно жестикулируя, клялся обиженным пенсионерам, что ляжет костями, но не допустит здесь строительства торгового комплекса, что это происки московских акул, которые скупают земли, а мирных незащищенных жителей оставляют без крыши над головой. И что, пока он у власти, крыша у горожан будет.

Родион вспомнил эту встречу, она широко освещалась в местных СМИ. Якобы городские власти выставили на торги несколько гектаров городских угодий, которыми заинтересовались московские деловые круги. Торги выиграла одна из двух принимающих в ней участие компаний, после чего объявила, что построит здесь торгово-просветительский комплекс. Хотя перед торгами застройщики поклялись властям на Жилищном кодексе, что возведут здесь несколько современных многоэтажек в рамках государственной программы «Доступное жилье». А господам, чьи бара..., пардон, дома, случайно оказались на упомянутых гектарах, предоставят бесплатные квартиры в новом доме.

Но что-то в планах не срослось, и вместо обещанного доступного жилья москали принялись воздвигать каменно-стеклянного монстра с каким-то боулингом и 3D-кинотеатром. И местный пролетариат резонно возмутился. Вместо квадратных метров они получают стереочки. Да и то за свой счет. Москвичи встретились с негодующими и предложили альтернативу – год бесплатных киносеансов. Что окончательно вывело народ из себя. «А жить нам где? На местах для поцелуев?!» – «Хорошо, мы предоставим вам альтернативное жилище в Великобельской области. Практически со всеми удобствами». – «А не катились бы вы сами в область!»

Место предполагаемой стройки окружили живым кольцом, а строительную технику, направленную на снос домов, встречали коктейлями Молотова и камнями. Два сгоревших бульдозера напоминали подбитые немецкие танки на Курской дуге.

В ситуацию был вынужден вмешаться губернатор. Этот исторический момент и отображал экран ноутбука Кирилла Анатольевича. Губернатор в простой, доходчивой форме уговаривал граждан разойтись, а завтра утром всем до единого жертвам произвола прийти в администрацию для встречи со специально нанятыми юристами. Бабули кричали «Ура», хлопали в ладоши, а дедули со словами «Получили, фашисты?» радостно грозили кулаком в сторону стройки. Потом губер поинтересовался у оказавшейся здесь случайно девчушки, какие она приносит из школы оценки, и ласково потрепал ее по щеке. Девчушка засмушалась, народ заплодировал.

Наконец, когда страсти немного улеглись, городской глава простился с пикетчиками и в окружении четырех крепких телохранителей, оберегавших его от всплесков народной любви, переместился в служебный джип. Причем камера, снимавшая его, переместилась следом, из чего напрашивался вывод, что оператором подрабатывает кто-то из ближайшего окружения. Причем, подрабатывает негласно. Скорее всего, объектив был вмонтирован в пуговицу или авторучку, чем в эпоху высоких технологий никого не удивишь.

Дальше случилось самое любопытное. Едва захлопнулась дверь внедорожника, губернатор повернулся к сидящему на заднем сидении «вице» и мрачно приказал:

– Позвони в УВД, пусть завтра подгонят ОМОН. Поставят у каждой калитки, чтоб эти горлопаны выйти не смогли. А я свяжусь с москвичами, чтобы ускорились. А то тянут kota за яйца, давно бы уж снесли эту рухлядь к едрене фене.

– А что будет объяснять народу ОМОН?

– То и объяснит. В городе угроза теракта. И сюда ваххабиты добрались.

– Но... Как сносить дома? Там же люди... Барахло, обратно...

– Бля! Ты чем слушал, Василич? Все ж у юристов будут. Кстати, подтяни кого-нибудь из болтливых. А насчет барахла не беспокойся. Выдадим компенсацию из резервного фонда, тыщ по пятьдесят. Еще и очков заработаем.

– А жить-то им где потом?

– В палатках! – засмеялся народный заступник. – Им же предложили жилье в области, а не хотят – их проблемы.

– Я видел это жилье... Если откровенно, палатки лучше.

– А что ж им, евростандарт подавай?! Ничего, отремонтируют...

Дальше губернатор сменил тему, перейдя к разговору о подготовке к грядущему городскому юбилею – четырехсотлетию упоминания в летописях о первой белочке, поселившейся в здешних местах. Но это было уже не интересно, и Кирилл Анатольевич остановил запись. Разумеется, разговор в джипе в средства массовой информации и даже в сеть пока не попал.

Приговоренные дома на следующий день были благополучно снесены, губернатор сделал заявление для СМИ, в котором заклеил московских акул, сделал распоряжение выдать пострадавшим по полтиннику и пообещал в ближайшем будущем выделить достойное жилье, а пока временно поселиться в области. Народ опять аплодировал, кое-кто даже пустил слезу и хотел пожать главе руку, но его не пустила охрана.

– Вот такой у нас, оказывается, губернатор, – вздохнул отче, – не очень положительный. А еще метит на второй срок. Перед народом одно, в джипе другое. Лицемер.

– Это подлинная запись? – скорее формально поинтересовался Панфилов.

Кирилл Анатольевич улыбнулся и посмотрел на ведущего так, что «Принцесса» поползла по пищеводу вверх.

– Родион... На этой яхте все подлинное, начиная от семечек, заканчивая картинами.

– Да... Понял...

– Как тебе материальчик? На какой рейтинг тянет?

– Ну, вообще сильно... Программа «Максимум» закроется от зависти.

– Вот и я так думаю... Так что же мешает нам поставить это в праймтайм и поднять рейтинг до рекордных высот? А?

– Не знаю...

– Правильно. Ничего. Ничего не мешает... Согласен?

Не согласиться было трудно.

– И куда вы хотите поставить этот ролик?

– Разве ты еще не понял?

Родион все понял давным-давно, но оттягивал неприятный момент.

– В «Час Белки»?

– Конечно, – отче выплюнул на пол очередную шелуху, – по-моему, неплохая идея. Только мат «запикать» надо. Все ж – уважаемый человек. Некрасиво...

Идея была плохой. Очень плохой. С последствиями. Тяжкими. Губернатор – это не клерк конторский, может ответить по полной. Тем более, по слухам, за его спиной Москва, и отступать ему некуда. На следующий же день у телеведущего найдут подпольную лабораторию по производству героина, объявят наркозависимым и отправят на длительное лечение. Это в лучшем случае. И отче-директор не спасет. Если вообще будет спасать.

– Понимаете, Кирилл Анатольевич... У «Часа Белки» несколько иной формат. Мы почти не затрагиваем политических тем. Да и герои наши – люди обычные, незатейливые. Лучше дать материал в «Однажды». Чисто их тема.

– А где ты видишь здесь политику? Выборы не скоро, электорат может спать спокойно. Здесь не политика. Здесь обычный бардак, коррупция, неуважение к простому, как ты говоришь, незатейливому человеку в особо циничной форме. Все по теме. И потом, насколько я в курсе, у «Однажды» детский рейтинг. Ее же никто не смотрит, кроме тех, кто ее делает.

– Да, но... Я совершенно не представляю, как подать эту информацию, – не сдавался Родион, – обычно я приглашаю гостя-эксперта и обсуждаю с ним проблему.

– Ну и пригласи. Что мешает? Видел же, сколько недовольных. Любого зови. Тем более, стройка всю идет, из желающих выступить очередь выстроится. Поговорите, а потом запусти ролик.

– Хм... Может, сначала в сеть выложить?

– Не будет эксклюзива. Да и сеть, по моим данным, пользуется двадцать процентов населения. Ящик, только ящик... Что у тебя с лицом? Берусь угадать – ты испугался.

Еще б тут не угадать? Как не испугаться? Все равно что пьяного крокодила с рук хлебушком кормить.

– Не бойся, Родион, не бойся... Удача – награда за храбрость. А после эфира губерру будет не до тебя... В Москве только и ждут, что он накосячит, прости за эвфемизм. Приказ о снятии уже лежит.

– У меня другие сведения...

– Поверь, отсюда, из глубинки, издалека, многое теряется из вида. А из Москвы смотрят по-другому. Что для нас нелепица, то для них обида. Это же циничный беспредел – на большую камеру одно, на малую – другое. Да еще в разгар борьбы с коррупцией. Случись такое на Западе – импичмент без суда и следствия.

Родион как человек прозаичный на поэтические метафоры смотрел трезво. Это его потом без суда и следствия...

Истинную подоплеку конфликта он прекрасно знал. Месяц назад губернаторская дочурка, мажорка в законе, плотно сидящая на коксе, пересеклась с Кириллом Анатольевичем. Историческая встреча случилась на презентации первого в городе мехового салона. Под занавес мероприятия на аукцион выставили шубку из натуральной мексиканской реликтовой белки, занесенной в Красную книгу. В финал аукциона вышли директор и дочурка. Победил директор, купив вместе с шубой и сам салон. Дочурка впала в истерику и пожаловалась папке – обижают, сволочи! «Кто посмел, солнышко? Какой-такой отче наш? Что он о себе возомнил?! У нас в городе один отче! Сотру! Принеси-ка, доча, папке мобильник...»

Силовые и судебные структуры тут же отреагировали. Великобелский ОБЭП нагрянул в офисы директора, уголовный розыск – домой и на яхту в поисках чего-нибудь незаконно хранимого. Нашли, но Хомутовичу удалось отделаться легкими подарками. Губернатор, естественно, не успокоился и грозился подтянуть на помощь следственный комитет Генеральной прокуратуры. Поэтому Кирилл Анатольевич и предпринял ответные шаги. Завербовал оператора. «Оскара» последний вряд ли получит, зато новую иномарку уже огреб, как минимум.

Плюс подготовил почву в столице. Как отреагировали высокие власти, Родион, разумеется, не знал. Оставалось положиться на твердое слово директора. Но полагаться не хотелось. Приходилось прикидываться идиотом.

– Кирилл Анатольевич, хм... Я вовсе не боюсь. Но, если вам известно, тему для программ утверждает руководство канала. Я могу записать, не вопрос... Но не факт, что это поставят в эфир.

– Ты уж запиши, а с эфиром разберемся.

– И второе. После выхода программ и на канал, и на меня лично администрация подаст в суд. Слишком серьезный компромат. Мне придется объяснять, откуда у меня ролик. А помимо суда губернатор захочет выяснить это напрямую... И как мне себя вести?

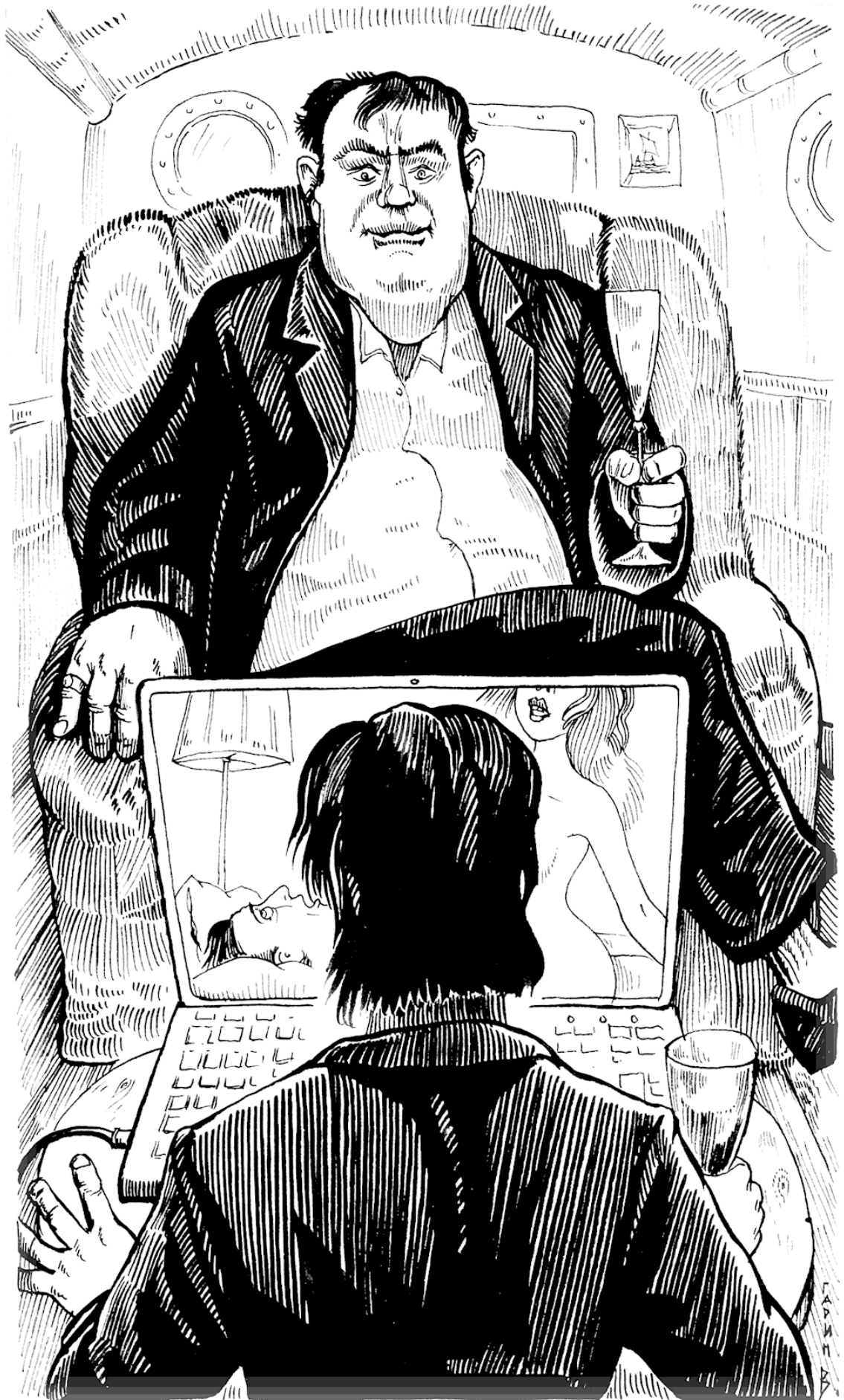
– Вести себя надо хорошо... Только послушные дети получают компот... Не волнуйся, Родион. На следующий день после передачи ты полетишь на Бали или в Таиланд, выберешь сам. Отдохнешь месяцок, забудешься. Жену с собой захвати молодую... А через месяц здесь будет другой губернатор.

Директор бросил взгляд на вставленный в декоративный штурвал портрет президента, как бы намекая, что вопрос согласован.

– Кстати, я всегда помню золотое правило социализма – от каждого по возможности, каждому по труду... Материальную часть согласуем в рабочем порядке.

На последний пункт ведущий «Часа Белки» особо не рассчитывал – бутерброды и семечки на столе и «Принцесса Нури» служили прекрасной иллюстрацией щедрости олигарха. Но тот вновь прочитал мысль Панфилова, словно у него на лбу светился встроенный в голову монитор.

– Не волнуйся и не встречай по одежке. Поверь, я уважаю чужой труд... Итак? Когда назначим эфир?

«Отче» прищурил глаз, и несчастная «Принцесса» в желудке телеведущего моментально превратилась в аммиак, не дойдя до соответствующего органа.

– Я думаю, в ближайший понедельник. Как раз европейская делегация прилетает. Из Брюсселя. По правам человека. Вот радости будет.

«Блин, они там между собой разобраться не могут, а ты – крайний... И что делать? Как говорят англичане – из двух зол лучше не выбирать ни одного. Можно, конечно, отказаться. Но это значит – на улицу без выходного пособия. После отказа придется искать работу на другом канале. А свободных мест нет. И все же лучше быть безработным, чем нечаянно выпасть с балкона последнего этажа или попасть под биты случайных хулиганов».

– Видите ли, Кирилл Анатольевич... Я опасаясь, что после эфира на меня обрушится такая слава, от которой я не скроюсь даже на Бали. А уж тем более в Таиланде. Я уступаю право первой ночи программе «Однажды». Ее ведущему не страшна никакая слава. Он привык.

Семечка повисла на губе директора. Видимо, отказ ведущего глубоко ранил его трепетное сердце. Так не должно быть... Нет, нет, никогда... Но через двадцать пятую долю секунды он вернулся к исходному состоянию, а семечка скрылась во рту.

– Жарко сегодня... Все-таки июнь... Тополиный пух, опять же... Не люблю. Аллергия на него. И ночи какие-то длинные. Не замечал?

Родион не знал, куда клонит «отче», но в том, что наклон грозит обрушением, не сомневался.

– Ночи как ночи...

– Это смотря чем ночью заниматься. Если, к примеру, на звезды смотреть или мирно спать с женой, то, действительно – ночи как ночи. А ежели журналистке какой-нибудь интервью давать, то о-о-чень длинные.

Реплику директора оборвал чей-то сдавленный крик, донесшийся с нижней палубы. Вроде рекламной паузы. Длился он недолго, секунд десять, после все стихло.

– Не обращай внимания, – успокоил Кирилл Анатольевич, выплюнув очередную шелуху, – Афанасьевич профи, но и у него бывают не лучшие дни... Про журналистку-то вспомнил? Или показать?

– Что показать? – У Родиона мгновенно пересохло в горле так, что не помогла бы никакая «Принцесса».

– Ну, как что? Как интервью у тебя берет.

Не дожидаясь ответа ведущего, директор поводит пальчиком по встроенной мышке ноутбука и нажал воспроизведение.

– На, любуйся.

Полюбоваться было чем... Журналистка по имени Жанна. Обожаема, блин, и жеманна.

...Она позвонила где-то с месяц назад. Представилась. Журнал «Звездочет». О звездах, но не космических. Региональный глянец. Хотим сделать большое интервью с героем эфира. Родион не отказал. Не потому, что ему нужна дополнительная реклама, просто сам когда-то начинал в прессе. Понимал: для журналистов это хлеб насущный, возможность заработать. Зачем же отказывать?

Пригласил в студию. Дома вечный бардак, в кафе неудобно – поклонники одолеют. Жанна пришла вовремя, что говорило о ее профессионализме. Длине ног, размеру бюста, талии, макияжу позавидовали бы топ-модели ведущих агентств. Гардероб удачно подчеркивал перечисленные достоинства. Она достала из рюкзака диктофон, фотоаппарат и пару номеров «Звездочета». В рюкзаке Родион заметил ствол травматического пистолета и газовый баллончик – еще одно доказательство, что профессия журналиста экстремальна, а то и опасна.

Но разговора не получилось, ведущего постоянно дергали и отвлекали. И тогда Жанна предложила поговорить у нее. После записи «Часа Белки». В спокойной, домашней обстановке.

Там же она делает снимки. Живет она одна, на съемной квартире, и никто не будет мешать. Родион, если бы и хотел возразить, то не смог бы. Чисто физически. Мозг еще обдумывал предложение, а губы уже говорили: «Конечно, да, йес, без вопросов, само собой, ноу проблем!»

...Интервью удалось. И ведущего даже не насторожило отсутствие в Жанниной ванной зубной щетки и пасты. Вещички можно хранить у родственников и друзей, но зубы-то дома чистишь по-любому...

И ладно бы щетка... Родион общался не с одной журналисткой, но никто из них во время секса не вел таких интеллектуальных бесед. Это было подозрительно, но до подозрений ли в подобные счастливые моменты?

– А ты знаешь, что в Великобелске бывал Пушкин? – спросила она, ритмично покачиваясь в позиции «пулеметчик на тачанке» в такт звучащей из сидюшника песне местной звезды Валькирии, которую совсем недавно Родион приглашал на запись своей программы.

– Да, ладно... Что он тут забыл? У нас бы, как минимум, доска сейчас висела.

– Просто это малоизвестный факт. Он останавливался здесь всего на пару дней, по дороге на Кавказ. Помнишь строки: «Белка песенки поет и орешки все грызет»? Идея пришла ему в голову именно у нас, в Великобелске. Гуляя вечером по парку, он увидел белочку и вдохновился. Ты никогда не задумывался, почему в сказке он описал именно белку, а не какого-нибудь медведя или хорька?

– Честно говоря, нет... Белочка и белочка... Еще, еще...

– Я тоже сначала не задумывалась. А теперь поняла... Родя, немного потише...

– Да, да... Ты чудо-человек, мой пятый океан... А откуда про Пушкина знаешь?

– Он, когда в гостинице останавливался, письмо в Петербург отправил. А хозяйка гостиницы на почту его не отнесла. Все-таки Пушкин в ту пору звездил уже реально. Письмо сохранила на память, потом сыну передала и так далее. Последним, кто видел письмо, была моя прабабка.

– А что с ним стало?

– Прабабку большевики раскулачили. Ну, в смысле, отобрали все. Она письмо спрятала, они нашли, посчитали, что это контрреволюционная переписка, и передали в НКВД. А в сорок втором, перед немецким наступлением, архив сожгли. Ксероксов, как помнишь, в то время не было... Помедленней, помедленней... Вот так, хорошо...

– Слушай, Жанна-а-а-а... Но неужели твои предки никому об этом не рассказывали? Это же сенсация-я-я-я...

– Бабушка говорила, что боялись. И потом, письмо же отобрали, а без него это пустые слова. А представляешь, сколько бы такое письмецо могло бы сейчас стоить?

– Представляя-я-я-я... Ох... Это же классный сюжет... Практически сенсация, если умело преподнести. Пушкин в Великобелске, обалдеть. Прикинь, какие перспективы... Уступишь тему?

– Забирай... Выпить хочешь?

– Не откажусь...

Собственно, описанную сцену Родион и имел удовольствие увидеть на экране ноутбука Хомутовича. Камера, судя по ракурсу, притаилась в люстре. Никакой мебели, кроме тахты, в квартире Жанны не имелось. Телеведущий не придавал тогда этому значения, да и не до того ему было.

И в общем-то ничего принципиально нового в эротическом плане он не изобрел. Обычный секс со звездой. Нынешнего зрителя, избалованного компроматом, таким не удивишь. Были у нас на мониторах и прокуроры, и чиновники, и оппозиционеры. Подумаешь, звезда телеэфира трахает звезду журналистики. Практически деловые отношения... Наоборот, напишут в форумах – нормальный мужик, не какой-нибудь педераст гламурный... И даже если жена молодая увидит, ничего страшного... Она, наверняка, сама не без греха... Договоримся...

Но... Пушкин, блин...

Словно снова угадав направление мыслей собеседника, Кирилл Анатольевич запустил очередной видеофайл. Фрагмент недавней программы «Час Белки», где Родион на пару с директором краеведческого музея Шуруповым с умным видом разглагольствовали о великом поэте и о неожиданном счастье, свалившемся на родной город. Шуруп, порывшись в архивах, нашел какие-то данные, что поэт теоретически мог останавливаться в здешних краях, и зачитал отрывки из стихотворений, где в иноказательной форме сей факт подтверждался. Ну и конечно, эпизод с белочкой, грызшей изумрудные орешки с золотыми скорлупками, стал краеугольным камнем дискуссии.

Что началось после эфира... Беспokoили даже из ЮНЕСКО. Пушкиноведа потянулись косяком. Губернатор тут же попросил у правительства грант на восстановление исторической гостиницы и создание памятника поэту. В перспективе планировалось открыть в Великобелске туристический комплекс наподобие Михайловского... И правительство пообещало...

А спустя неделю позвонила Жанна.

– Родь, ты зачем эту пургу в эфир запустил?

– Какую пургу?

– Да про Пушкина... Я ж прикололась...

– Как прикололась? Чего, дура, что ли?

– Ну, нам же надо было о чем-то разговаривать во время секса? Но ты не волнуйся, я никому не скажу. И ты не говори. Какие проблемы?

И сейчас, увидев запись программы, Родион понял, что она точно не дура. А вот он дурак. И после такого удара ниже пояса рискует завершить карьеру в расцвете лет. «Яйца – чистый изумруд...» Да, это компромат так компромат. Не какой-то там перепих подпольный на тахте... «Смотрите, смотрите, люди добрые, где звезда берет сюжеты для своих программ! Да еще под песенки певички Валькирии! Помидорами его тухлыми, помидорами!!! Звезда по имени Родя!»

И Шуруп хорош... «Не исключено, не исключено». Эксперт хренов.

Интересно, у Кирилла Анатольевича на всех есть ролики? А Жанка подлая? На него работает?

Директор, вновь угадав направление мыслей Родиона, покачал головой.

– Нет, Жанна случайный человек... Кстати, она не Жанна и никогда не печаталась в «Звездочете». Но это не важно... Ты понимаешь, Родион, что материал тоже довольно рейтинговый. Не хочешь показать его в своем шоу? Или предложить в «Однажды»? А?

Родион понимал. После такого в грузчики не возьмут. Без пластической операции или марлевой повязки в родном Великобелске на улицу не выйдешь...

– Если сомневаешься, что запись подлинная, могу оплатить экспертизу.

– Не сомневаюсь.

Директор вытащил флешку-патрон и поставил ее на столик острием пули вверх.

– Забирай и используй на здоровье. Премияльные – после эфира.

– Премияльных не надо.

Родион мгновенно срубил, что тогда окончательно попадет на крюк директора и будет висеть на нем до конца дней. Конечно, он не был святым и деньги зарабатывал, как умел. Но одно дело – фирму пропиарить незаметно, другое – компромат вылить на городского главу. Тут же разборки начнутся. А ежели про премиальные узнают?.. Совсем уж некрасиво. Нет, он не телекиллер.

– Почему? – удивился отче. – Тебе деньги не нужны? На том же Бали на слонах покатаешься...

– Нужны. Но долг любого журналиста – доносить до людей правду. Безо всяких премиальных.

– Как это верно! Как это верно! Не в бровь, что называется, а в челюсть! Все бы так! Доноси! Люди ждут!

Родион забрал патрон.

– Чай-то допей, – улыбнулся директор.

– Спасибо... Он остыл...

– Хорошо... Если возникнут какие-то проблемы, звони Виктору Афанасьевичу. Он продиктует свой номер. Всего доброго, Родион. Тебя проводят. Был рад пообщаться вживую... А то все через экран. А экран искажает.

Олигарх дернул шнурок, звякнула рында, в каюту ввалился уже знакомый Виктор Афанасьевич, чем-то похожий на Микки Рурка в фильме «Рестлер».

– Проводи Родиона...

«Ничего... Сюжет-то я запишу без проблем, а вот поставят ли его в эфир, даже на подконтрольном канале – еще большой вопрос. Никто не захочет рисковать...»

...Бутербродный сыр все-таки оказался просроченным. Когда ведущий, согнувшись в поясе, блевал под киль яхты, глаз остановился на белом предмете, валявшемся рядом с колесом платформы. Присмотревшись, Родион понял, что это галстук-бабочка, полчаса назад украшавшая шею стюарда Сережи. Тут же лежал небольшой заостренный ломик, сделанный из куска арматуры.

Панфилов поднял его. Ломик был еще теплым, даже горячим... «Каленым железом...» Кирилл Анатольевич требовал буквального исполнения приказов. И приказы выполнялись.

И Родион лишний раз убедился, что поступил разумно.

Губернаторский сюжет, как и пожелал Кирилл Анатольевич, вышел в понедельник в семь вечера, а запись состоялась двумя часами раньше. Руководство канала, увы, не рискнуло отказать хозяину, но тут же на всякий случай сбежало в отпуск. Запланированную на это время программу о собирателе и исследователе русского мата профессоре Зильберштейне пришлось передвинуть, к крайнему недовольству последнего. Родион пригласил в студию одну из участниц манифестации, чей дом попал под снос. Она с надрывом повторила свою печальную историю, поблагодарила губернатора за заботу и поддержку и даже всплакнула. Специально обученный человек вскинул табличку с надписью «Аплодисменты», зал захлопал в ладоши. Ведущий подсел к приглашенной пенсионерке, приобнял ее за плечо и сообщил, что в редакцию был подброшен любопытный ролик. После чего попросил редактора дать картинку, что тот, перекрестившись, и сделал.

Человека с табличками так впечатлило увиденное, что вместо плаката «Гул, недовольство, свист» он вновь поднял «Аплодисменты». Послушный зал зарукоплескал, но опытный звукооператор кивнул ведущему, что все под контролем. В чистовом варианте он звук хлопков уберет, а рукоплескания можно списать на комаров и мух, залетевших в жаркую студию.

Пенсионерка, поддавшись стадному чувству, тоже зааплодировала, хотя губы шептали: «Господи, да что ж это такое творится на белом свете?» И что-то еще, собираемое и исследуемое Зильберштейном.

– Я не исключаю, что запись является подделкой, – попытался смягчить удар Родион, – это пускай устанавливает экспертиза, но в любом случае губернатор просто обязан прокомментировать ее. К сожалению, на момент записи передачи нам не удалось до него дозвониться...

Само собой, никто и не дозванивался...

Реакции на программу властей, мировой общественности, президента и других официальных лиц Родион дожидаться не стал. Когда она выходила в эфир, он сидел в купе поезда, мчавшего его к ближайшему от Великобельска аэропорту. Напротив смотрела в окошко вторая жена Аленка. Оба отключили мобильники и пили легкий алкоголь. В аэропорту с максимальной возможной скоростью прошли регистрацию, погрузились в самолет и через восемь часов при-

землились в жарком Бангкоке. Таиланд выбрала Аленка. Родион предлагал Мальдивы, которые еще не стали российской туристической колонией, но у Таиланда были преимущества – отсутствие визы, дешевизна и высокий уровень коррупции, что позволяло в случае каких-либо проблем быстро решать вопросы с властями. Кирилл Анатольевич не подвел – проплатил перелет и месячное проживание в пятизвездочном бунгало на одном из островов. Родион не считал это взяткой. Накладные расходы, не облагаемые налогом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.